

АННА ЕСИНА

ПРОТОКОЛ *совместимости*

Меня вынудили выйти замуж за близнецов

Анна Есина

Протокол совместимости

«Литнет»

2026

Есина А.

Протокол совместимости / А. Есина — «Литнет», 2026

Я ВЫБРАЛА СВОЕГО ИДЕАЛЬНОГО МУЖЧИНУ, А ОН ОКАЗАЛСЯ ПАРНЫМ - КАК НОСКИ!БУКТРЕЙЛЕР! СМОТРЕТЬ ОБЯЗАТЕЛЬНО! Меня зовут Аврора, я врач. И да, в 2558 году это уже не просто «выписать таблетку и отправить домой». Тут у нас общество, где женщине положено выйти замуж и нарожать детей — будто это единственная карьерная лестница. А я предпочитаю строить свою. Я лечу людей, и вот ко мне попадает пациент без прошлого. Вообще ноль: ни имени, ни воспоминаний. И самое дикое, он вдруг становится моим будущим — не по плану, не по протоколу, а просто... становится. А потом — бац! — выясняется, что у него есть близнец. И передо мной встаёт выбор, от которого даже нейросеть зависнет: либо стать изгоем в обществе, где женщине недопустимо быть одинокой, либо попробовать отношения на троих. Так что мне предпочесть в итоге? Книга участвует в литмобе «ЭРА БЛИЗНЕЦОВ: Одного мало» Выход глав: через день

© Есина А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	20
5	23
6	25
7	27
8	32
9	35
10	40
11	42
12	44
13	50
14	52
15	55
16	59
17	61
18	63
19	65
20	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

1

Наш куратор, Марк Рубинов, из тех, кто вечно на бегу: одновременно числится «надзирателем» в трёх протоколах, подрабатывает диджеем в подпольном клубе «Хроношум» и по выходным ведёт стрим про «альтернативные модели семьи в авторитарных обществах» – за что регулярно получает предупреждения от надзорных служб. Официально он всё «держит под контролем», на деле – постоянно путает даты, забывает отправить уведомления и ориентируется по обрывкам стикеров, приклеенных к монитору. Устои государства тихо презирает, но не бунтует открыто.

– Зачем биться головой о стену, если можно просто прорубить в ней небольшую дверцу и совершать тихие вылазки? – любит повторять он, и я всё чаще задумываюсь над его словами.

В его отчётах половина фраз – сленг, сокращения и оговорки, зато в личных беседах он неожиданно точен: будто хаос вокруг нужен ему, чтобы в самом важном случайно не солгать.

Мой семейный браслет – я же теперь замужняя дама, как никак, – вибрирует в два ночи. Хватаю его с тумбочки, сердце подпрыгивает: в голове сразу мелькают худшие варианты. Чрезвычайная проверка, сбой в реестре, снова полиция у нас на пороге. Над циферблатом всплывает сообщение от Марка.

«Хей, тебе надо посетить гинеколога. Не напутай, это плановая встреча. Если проигноришь, могут возникнуть проблемы. Ок?»

Несколько секунд пялюсь на светящиеся неоновые буквы, потом смеюсь, коротко и устало.

– Придурок, – бормочу себе под нос, хотя услышать меня некому. Мы с мужьями спим в разных спальнях, потому что... Да, у нас фиктивный брак. – Два часа ночи. «Не напутай». Да я чуть инфаркт не схлопотала.

Возвращаю браслет на зарядную панель, смотрю в темноту чужой комнаты, которая за две с лишним недели так и не стала родной, и зарываюсь лицом обратно в подушку.

Гинеколог, так гинеколог, решаю я полусонно, складываю руки лодочкой, пихаю под щёку и готовлюсь вернуться в недосмотренный сон, когда одно-единственное словечко вспыхивает в мозгу.

Гинеколог.

Она же увидит, что с момента подписания протокола совместимости ничего не изменилось! Я была и остаюсь девственницей!

С постели меня сметает ураганом. Набрасываю на плечи кардиган, подаренный Лари, и впуснутым лесным зверьком шмыгаю в его спальню.

Стучусь предварительно, но так, чтобы ничем не побеспокоить обитателя соседней комнаты. И лишь после минутного ожидания осторожно всовываю нос.

– Лари? Можно, я войду? Есть неотложный разговор.

Тишина.

Крадучись, переступаю порог и нахожу заправленную постель и полное отсутствие одного из близнецов. Ну, того самого, *хорошего*, я бы сказала.

Зато его копия подкрадывается сзади и в привычной манере отъявленного мерзавца шипит на ухо:

– Заблудилась, сладкая?

Кто бы мог подумать, что когда-нибудь я буду рада его слышать. Впрочем, виду не подаю.

– Я ишу твоего брата, – оборачиваюсь медленно, словно вокруг меня минное поле, и каждый шаг приходится вымерять с аптекарской точностью. – По... по личному вопросу...

– О, знаешь, – сияет гаденькой улыбочкой мой «основной партнёр», как записано в нашем протоколе, – можешь не распинаться. Мне плевать.

Но вопреки словам эта заноза в заднице не уходит. Стоит, заполнив разворотом плеч весь дверной проём, и прожигает дыру на моём лице. Потом спускается ниже и буравит кожу там.

Плотнее стягиваю под горлом воротник кардигана и решаюсь на поддержание беседы.

– Не подскажешь, когда он вернётся?

– В обмен на что? – адресует он вопрос моей груди и неприкрыто облизывается.

– Не обязательно отвечать вопросом на вопрос!

– Не обязательно круглосуточно быть сучкой и топотить ножкой всякий раз, когда тебе отказывают.

– Странно, что ты сам не следуешь этому правилу, – хмыкаю я и внутренне бешусь от невозможности прекратить этот разговор и запереться у себя в спальне на следующие пару лет.

– Так ты ещё хочешь знать, когда вернётся Лари, или я пошёл?

Рычу от досады, стискиваю руки в кулаки, но волю эмоциям не даю. Эдак мы ничего, кроме ссоры не добьёмся.

– Хочу. Когда он вернётся, Рик, скажи, пожалуйста? – превращаю голос в елей и наклеиваю на лицо улыбочку.

Срабатывает! Щипанный индюк перестаёт корчить из себя альфа-самца с невольным первичным половым признаком и чуть подаётся вперёд.

– Дай на ушко шепну, – подманивает меня пальцем, а когда я, словно распоследняя идиотка, поддаюсь, издевательски хмыкает и жаром своего дыхания опаляет мне ушную раковину.

– Не сегодня. Наш милаха Лари укатил на сборы. Полагаю, он теперь часто будет сруливать, потому что *по нашему*, – он чётко выводит последнее слово, как бы выделяя, что я здесь не пришей кобыле хвост, – *нашему*думу разгуливает вот такенный ненадорванный соблазн.

– Скотина, – я отстраняюсь, но выйти по-прежнему не могу, и это бесит.

– Я передам брату, сколь невысокого ты о нём мнения.

– Не он, а ты!

– Твой арсенал ругательств всё скучнее.

Сказала бы я ему, что думаю о нём на самом деле, только тогда придётся завтра на осмотре у гинеколога вскрывать все карты. И прости-прощай работа, планы на жизнь и всё, о чём я мечтала.

Ну уж нет!

– Хорошо, тогда начистоту. Завтра у меня встреча с гинекологом. Куратор назначил, а сообщил буквально только что! И...

Дальше слова не идут. Я опускаю глаза в пол и смотрю на мужицкие босые ступни, выглядывающие из широких штанин. Большие пальцы заметно короче тех, что находятся рядом.

– Тебе подсказать способ, как избавиться от целки?

Вопрос ударяет по самому больному.

Вот всегда он так. Чуть что, врубает убудка и жалит словами, как мечом. Отсекает всё человеческое отношение к себе и оставляет лишь те фибры души, которыми так удобно его ненавидеть.

– Нет, спасибо. Об этом я как-нибудь сама позабочусь, а ты продолжай поливать ядом...

Закончить мысль не успеваю. Рик приседает на корточки, перехватывает мои ноги под коленями и взваливает себе на плечо.

– Что?! Пусты! Поставь на землю, где росло!

Я верчусь ужом, брыкаюсь, молочу тупоголового брюнета по спине и ногам, пробую даже укусить, но он не реагирует. Ударом босой ступни распахивает дверь в свою спальню, швыряет меня на центр кровати, сдёргивает с торса футболку и валится прямо на меня.

– Рик, нет! Нет! НЕТ! Да послушай же!

Коленями отбиться не получается. Он живо разводит их в стороны и фиксирует своим носорожьим туловищем. Мои руки скрещивает в запястьях и пихает их мне под голову. Чувствую себя бабочкой, припиленной булавкой к бархатному листу. Секунда-другая, и я стану экспонатом в его коллекции.

– Послушать, что, Ави? – до боли стискивает мой подбородок и цедит каждое слово с такой злостью, что у меня подкатывают слёзы. – У тебя возникла одна маленькая проблемка. И сейчас мы её решим.

– Изнасилованием? – отчаянно воплю я, пробуя сбросить с себя тушу весом в добрый центнер.

– Это уже от тебя зависит, – выдыхает почти миролюбиво и кончиком языка ведёт по моей нижней губе. Захват на подбородке не ослабляет, чтобы я не могла укусить, да и целовать опасается по той же причине. – Будешь брыкаться, сделаю больно. Хотя я и так сделаю, но это, уж прости, природой задумано.

– Я не хочу... так!

– Ты никак не хочешь. По твоим же словам. А давай на деле проверим?

И эта первостатейная сволочь давит плечом мне на грудь, свободной рукой шарит между нашими телами, ползает под резинку пижамных шорт и с присвистом выдыхает.

– Да-а-а-а, ты определённо не хочешь. Так не хочешь, что аж вся хлюпаешь от нехотения.

Я зажмуриваюсь в надежде, что этот дурной сон развеется. И пытаюсь подчинить себе организм, который напрочь вышел из-под контроля. Не чувствовать его пальцы, блуждающие там, не реагировать на острые сигналы удовольствия, которые расходятся по телу вплоть до кончиков пальцев на руках и ногах.

– Тебя поцеловать или просто сделать женщиной без лишних вопросов?

Ответь я вслух, и дурацкая легенда о неприязни к плохому близнецу разобьётся в щепки. Поэтому с выписанным на лице отвращением поворачиваю голову на бок.

– Да-а-а-а, врёшь ты на крепкую двоечку, – не упускает он возможности уколоть и что-то такое делает рукой, от чего весь мой самоконтроль улетает в трубу.

С губ срывается протяжный стон, который Рик жадно ловит своим ртом и утаскивает меня на самое дно.

2

Месяцем ранее

Рекламный ролик партии «Звезда Будущего»

Открывается кадр: рассвет над Москвой. Золотые купола храмов, сверкающие небоскрёбы, парящие антигравитационные машины. Звучит торжественная музыка.

Голос за кадром (мощный, вдохновляющий):

– Граждане Великой России! Просыпайтесь с гордостью в сердце, ведь вы живёте в эпоху великих свершений!

Кадры: люди выходят из современных домов, улыбаются, приветствуют друг друга. Дети бегут в школу, держа в руках голографические планшеты.

Голос:

– Пять веков назад наши предки заложили фундамент могущества. Сегодня в 2558 году партия «Звезда Будущего» воздвигла на нём величественное здание Новой России – страны, где наука служит человеку, а технологии стоят на страже Отечества!

Кадры: гиперлуп мчится сквозь туннель, орбитальная солнечная станция разворачивается в космосе, вертикальные сады покрывают фасады мегаполисов.

Голос:

– Под мудрым руководством партии «Звезда Будущего»: термоядерная энергетика озаряет наши города чистым светом; гиперлупы переносят нас из Владивостока в Калининград за час; орбитальные станции дают энергию, достойную звёзд!

Кадры: современная клиника. Врачи в белых халатах стоят рядом с роботами-хирургами. Женщина с двумя мужчинами-близнецами улыбается, держа на руках младенца.

Голос:

– Партия «Звезда Будущего» победила болезни и старость! Благодаря нашим прорывным технологиям каждый гражданин имеет цифрового двойника, предсказывающего недуги до их появления; искусственные матки и генная инженерия преодолевают демографические вызовы; нейроимпланты дарят ясность ума даже в сто лет!

Кадры: лаборатория. Учёные в халатах наблюдают за биопринтером, создающим орган. Крупный план: сердце начинает биться в биореакторе.

Голос:

– Мы создали медицину, достойную будущего! Клонированные органы, нанороботы в крови, регенеративная терапия – всё это доступно каждому гражданину России!

Кадры: семья из трёх человек (женщина и два мужчины-близнеца) с ребёнком на фоне современного дома. Они сажают дерево в вертикальном саду.

Голос:

– Партия «Звезда Будущего» сохранила семейные ценности в новую эпоху! Мы поддерживаем каждую семью, даём льготы и жильё, чтобы дети росли в любви и заботе. Одна женщина – опора двух мужчин, хранительница рода, гордость нации!

Кадры: школа будущего. Дети в VR-очках «путешествуют» по Древнему Новгороду. Учитель улыбается, наблюдая за ними.

Голос:

– Наше образование – лучшее в Галактике! Наши дети изучают историю, погружаясь в прошлое, и осваивают технологии, творя будущее!

Кадры: площадь в центре города. Люди разных возрастов собрались у большого голографического экрана, на котором транслируется заседание партии. Все аплодируют.

Голос:

– За пятьсот лет мы прошли путь от трудностей к триумфу! От сомнений – к уверенности! От выживания – к процветанию!

Кадры: флаг России развевается над Кремлём, сменяясь логотипом партии «Звезда Будущего». На экране появляется слоган.

Голос (торжественно):

– С партией «Звезда Будущего» Россия идёт вперёд! К новым звёздам, к новым победам, к вечному расцвету!

Все хором (на фоне кадров счастливых людей):

– Слава России! Слава партии «Звезда Будущего»!

Финальный кадр: логотип партии на фоне российского флага. Текст: «Вступайте в ряды партии «Звезда Будущего» – строим будущее вместе!»

– Боже, блевотня какая, – трагедийно шипит моя подруга Сомина, не дожидаясь, пока проекция агитационного ролика погаснет окончательно.

– Тише ты, – толкаю я дурёху кулаком в бок.

Раскудахталась, тоже мне.

Слепящий белый свет вспыхивает в зале. Персонал клиники встаёт со своих мест и спешит по делам.

Сомка не унимается и по пути в ординаторскую объезжает мои уши брюзжанием.

– Нет, ну ты слыхала?! «Мы создали медицину, достойную будущего! Клонированные органы, нанороботы в крови, регенеративная терапия – всё это доступно каждому гражданину России!» – повторяет она слово в слово, что, впрочем, неудивительно.

В последнее время агитаторы откровенно халтурят с роликами и всё чаще подсовывают нам одни и те же речёвки, разве что видеоряд разбавляют новыми лицами.

– Брехню вы создали! И ею зомбируете население! – продолжает гневаться Сомка, однако я затыкаю ей рот и заталкиваю в ординаторскую.

– Сдурела, что ли?! Чего языком мелешь? Забыла, что с Ниязовыми случилось?

Пару месяцев назад работали у нас врачи, светила медицины, два брата-близнеца. Именно благодаря им я получила место в ординатуре.

И как-то случилось им завести опасный разговор при свидетелях. Пospорили эти двое, страстные ведь люди. Вот так же, как мы с Сомкой, вышли из актового зала после утренней идеологической пятиминутки и схлестнулись лбами.

– «Россия процветает, медицина достигла небывалых высот, партия «Звезда Будущего» ведёт нас к звёздам»... Как будто мы с тобой не видим, что творится в палатах! – первым полез в бутылку Ксандр, не обращая на меня, недотёпу и недавнюю студентку, никакого внимания.

– Да, пропаганда льётся из каждого экрана, – поддержал Джейд сетования брата. – А вчера ко мне на приём пришла женщина – 28 лет, три беременности в анамнезе, все – мальчики. Она в слезах: «Я так хотела дочку...» И что я ей скажу? Что у нас программа коррекции пола даёт сбой в сорока процентах случаев?

– И это ещё оптимистичная цифра. По моим данным, реальная эффективность этой клятой CRISPR-Cas12X – всего 10-15%. А сколько случаев с хромосомными аномалиями после вмешательства? В отчётах это всё сглаживают, а мы потом расхлёбываем.

Ксандр лишь подлил масла в огонь:

– У меня на учёте шесть женщин репродуктивного возраста в районе. Шесть! На пятьдесят тысяч населения. И каждая под таким давлением... «Ты должна рожать, ты опора нации, ты хранительница рода». А потом они приходят ко мне с неврозами, бессонницей и депрессией.

– А искусственные матки? – грустной улыбкой поддержал его брат. – Их мощность перегружена почти на двести процентов. Очереди на полгода вперёд, а в регионах – на год. И при этом в каждом выпуске новостей: «Искусственные матки решают проблему рождаемости!»

Решают, да не так, как обещают. В семи процентах случаев – нарушения развития плода. Но кто об этом скажет в эфире?

– Ты ещё про генетику вспомни, – завёлся по новой доктор Ксандр. – У трети мужчин проблемы с фертильностью из-за мутаций в Y-хромосоме. А близнецы? Каждый пятый – с врождённой патологией. Сердечные, неврологические... И всё это накапливается из поколения в поколение.

Его брат устало потёр виски и продолжил:

– И самое обидное – мы не можем даже нормально лечить женщин. Цифровые двойники заточены под мужской организм. Девять десятых данных о мужчинах. Лекарства тестируют на мужчинах. А у женщин побочные эффекты другие, непредсказуемые. Нейроимпланты сбоят из-за гормональных циклов – такая клиническая картина у каждой десятой пациентки! Но попробуй скажи об этом вслух...

– Сразу напомнят про «патриотизм» и «подрыв доверия к достижениям партии», – горько усмехнулся Джейд. – А реальность такова: рождаемость – в полной заднице. Мы теряем поколение за поколением. И вместо того чтобы решать проблему, нам вещают про «термоядерное сияние будущего».

Ксандр не выдержал, вскочил на ноги и подошёл к окну:

– Знаешь, что меня больше всего злит? Не сами проблемы. Они есть везде. А то, что нам затыкают рот. Запрещают говорить правду. Заставляют улыбаться в камеры и кивать: «Да, всё прекрасно, партия ведёт нас верным путём». А люди между тем сходят с ума от безысходности. Мужчины – от невозможности создать семью, женщины – от давления и страха.

– И что делать? – тихо уточнил Джейд. – Молчать дальше? Или...

Его брат резко отвернулся от окна и решительно произнёс:

– Или начать хотя бы здесь, в этой комнате, говорить правду. Собирать реальные данные, обмениваться опытом, искать решения. Потому что если мы, врачи, не поднимем этот вопрос – кто тогда? Пропаганда не вылечит больных. И не родит детей. Что вы скажете по этому поводу, Аврора?

С последним каверзным вопросом доктор обратился ко мне, впервые выказав, что для него моё присутствие в ординаторской не новость.

А я настолько растерялась, что сразу не смогла подобрать слов для ответа.

Тут за дверью раздались шаги. Оба доктора смолкли. В коридоре зазвучал бодрый голос диктора из настенного экрана: «Великие достижения медицины России! Искусственные матки – залог счастливой семьи!»

Спустя пару дней братья Ниязовы пропали.

И вот сейчас глупенькая Сомина пробует пойти по их стопам.

Ну ещё чего?! Повторения я не допущу, даже если мне придётся собственноручно укоротить этой болтушке язык.

3

Работа хватает за грудки уже спустя четверть часа. Не успеваем мы поделить карты пациентов и приступить к обходу, как браслеты на наших руках вспыхивают тревожным красным цветом, и из внешних динамиков прорывается трубный бас фельдшера Зигфрида.

– Чёрт побери, да что ж такое-то?! Система не даёт доступ к цифровому двойнику! Опять эти глюки в «МедоСети»... Пациент в критическом, слышишь, критическом состоянии, а я без данных, как чёрный нигер в сраной жопе!

Голос медика срывается на девчачий визг. Я пробую успокоить громилу:

– Зиг, подыши. Опиши состояние пациента. Что у нас есть?

– Да всё плохо, Ави, всё плохо! Полицейский, мужчина, лет тридцати на вид. Гнал за преступниками на гиперлупе, влетел в маршрутку из Адлера. Множественные переломы: обе ноги, рёбра, подозрение на перелом позвоночника. Черепно-мозговая травма третьей степени – гематома растёт, давление скачет, пульс нитевидный.

– Какая первичная помощь уже оказана? Что сделано?

Зигфрид вопит, задыхаясь от волнения:

– Ну, конечно, всё по протоколу! Нанороботы-коагулянты запустили, остановили внутреннее кровотечение. Экзоскелет-фиксатор на ноги поставили, рёбра стабилизировали биополимерной сеткой. Нейрошунт подключили. Пытаемся держать давление и пульс в норме. Кислородная наномаска с регенеративной смесью... Лёгкие у него целы, но перегружены. И всё это на фоне шока!

Сомина подключается к разговору:

– Зиги, хаюшки! А какие показатели у него сейчас?

– Давление 80 на 50, пульс 130, сатурация 88% и падает! Нейрошунт еле справляется. Мозг страдает, отёк нарастает. Без данных двойника я не могу понять, какие препараты ему точно подойдут и какие органы ещё под ударом!

– Пробовал перезагрузить систему через аварийный протокол? – на всякий случай уточняя я, чтобы снять со счетов человеческий фактор.

Бывали у нас и не такие рукоделы.

– Да тыщу раз я эту рёхнутую хреновину аваририл! Но без двойника она выдаёт только общие рекомендации: «стабилизировать», «мониторить», «подключить реанимационные модули»... Да я и так это знаю! Мне нужны его, легаша, данные: аллергии, хронические болезни, генетические риски! А система пишет: «Ошибка доступа. Повторите попытку». Да сколько можно, твоего бога в душу?!

– Поняла, – быстро подтверждаю я и скачками несусь к посту, чтобы дать андроидам указание готовить палату интенсивной терапии. – А что с нейроимплантом пациента? Можно считать данные напрямую?

– Имплант повреждён при ударе! – в отчаянии вопит фельдшер. *Эк его нештатная ситуация взбаламутила, прямо все нервы наголо.* – Связь односторонняя, только базовые показатели. Никакой истории, никаких прогнозов! Ави, мы теряем время! Ему нужна экстренная операция, прямо сейчас! Разрезать, посмотреть, что там внутри, и чинить вручную, пока он не отключился насовсем!

Мне приходится перейти на строгий тон, чего прежде я никогда не делала.

Как отвратительно тяжело, однако, быть единственным опытным врачом в отделении.

Да-да, недавняя студентка и вдруг «самый опытный врач». Но такова наша ничем неподслащённая реальность.

– Без данных двойника операция – огромный риск, – чеканю каждое слово. – Мы можем задеть важные структуры, спровоцировать новый выброс медиаторов стресса...

Зигфрид, вопреки ожиданиям, истошно кричит в ответ:

– Да плевать на риски! Если мы не вскроем его сейчас, он умрёт через пять минут! Ты видишь эти графики? – Мой браслет проецирует голограммы, свидетельствующие о критическом состоянии пациента. – Давление падает, пульс скачет, мозг теряет кислород! У нас нет времени ждать, пока «МедоСеть» починится! Операция, Аврора, срочно!

Мы угробим несчастного, панически вопит мой мозг. Однако врачебное хладнокровие вовремя затыкает эти визги неуверенности.

– Хорошо. Готовим операционную, – беру ответственность на себя. И раздаю указания всем сразу: и орущему фельдшеру, и недотёпам-роботам, и подружке, которая с отвисшей челюстью наблюдает за моим стремительным перевоплощением в профессионала. – Активируем резервный ИИ-ассистент для навигации. Подключаем нанороботов для контроля кровотечений в реальном времени. Но мы будем действовать максимально аккуратно – без двойника каждый шаг должен быть выверен.

– Да, да, конечно! – Зиг выдыхает с явным облегчением. – Спасибо, Ави! *Быстрее поршнями шевели, железка!* – видимо, так он подгоняет санитар-андроида. – Пациент не выдержит долго!

Персонал начинает все необходимые приготовления для экстренной операции, а я застывшим взглядом смотрю на двойные распашные двери и жду появления пациента.

Неуклюжие механоиды перекладывают пострадавшего с носилок на диагностический стол, и мне становится понятно, что паниковал Зигфрид не на пустом месте. Вид у мужчины... пугающий. Лицо бледное, почти серое, под глазами – тёмные круги. На коже проступают синяки разных оттенков: от лилового до желтоватого – следы ударов и сотрясений.

Всё тело в фиксаторах. Ноги заключены в экзоскелет, он мягко пульсирует, подсвечиваясь голубым, и понемногу выравнивает кости. Рёбра стянуты полупрозрачной биополимерной сеткой, она светится слабым зелёным, сигнализируя о процессе регенерации. На голове топорщится нейрошунт с подключёнными датчиками, от него тянутся нити к мониторам. Наномаска плотно прилегает к лицу, мерцает микродиодами, подаёт обогащённую кислородом смесь с регенеративными частицами.

Диаграммы на экранах скачут: все жизненные показатели в критической красной зоне и медленно ползут вниз. Нейрошунт пытается стабилизировать состояние, но без данных цифрового двойника его действия – как стрельба вслепую.

Прогнозирование включается, как по щелчку. Недаром нас в институте гоняли по этой теме с первого до последнего курса.

У пациента крайне нестабильное состояние. Высок риск отёка мозга из-за черепно-мозговой травмы. Существует опасность внутреннего кровотечения, несмотря на запущенных нанороботов-коагулянтов. Не стоит так же забывать об угрозе полиорганной недостаточности из-за шока и перегрузки внутренних систем организма. Без срочной операции летальный исход наступит в течение часа.

Так что я просто надеваю хирургический костюм, поворачиваюсь спиной к Сомине, чтобы та нажала кнопку стерилизации, и хватаю быка за рога, как любила повторять в таких случаях моя бабуля Ассель.

Встаю у операционного стола, ладони потеют. Рядом Зигфрид, огромный фельдшер с татуированной лысой головой, и худенькая Сомина. Роботы-хирурги замерли в ожидании команд, только проку мне от них пшик. Без цифрового двойника они почти бесполезны.

– Так, спокойно, – озвучиваю скорее для себя, нежели для присутствующих. – Мы справимся. Начинаем с ревизии брюшной полости – ищем скрытые кровотечения. Зиг, активирую нанороботов второго уровня. Соми, глаз не спускай с мониторов.

– Доктор, может, ещё раз попробуем достучаться до двойника? – хмуро предлагает фельдшер. Кажется, он чувствует мою неуверенность. – Вдруг система оживёт?

– Нет времени, – отмахиваюсь я. – Давление падает. Начинаем. Робот-скальпель, разрез по линии АЗ, глубина три сантиметра, скорость минимальная.

Робот медленно начинает движение. Вдруг замирает. На экране мигает: «Ошибка: отсутствие данных двойника. Требуется уточняющие параметры».

Зигфрид рычит:

– Да на каком консервном заводе тебя спаяли, рухлядь алюминиевая! Режь уже!

Приходится приструнить крикуна:

– Спокойно, Зиги! Не ори на машину, она от этого не станет умнее. Робот, подтверждаю команду: разрез по линии АЗ. Игнорируй запрос двойника, действуй по базовому протоколу.

Робот возобновляет движение, делает аккуратный разрез. Из раны проступает кровь.

– Кровотечение усиливается! – влезает с эмоциями Сомина. – Нанороботы не успевают восполнять кровопотерю!

– Робот-коагулятор, режим «Экстренная остановка», зона В7, – твёрдым голосом отдаю я команду жестянке. – Соми, увеличь подачу наночастиц в зону разреза. Зиг, держи давление – подключай вспомогательный нейрошунт.

Роботы суетливо двигаются, но вдруг один из них зависает, второй начинает хаотично двигать манипуляторами.

– Как же вы меня, жопокрады, достали! Безмозглые ублюдки! Какого рожна вы втемяшились в этого двойника?! Тут человек кони готов двинуть, а они протоколы сверяют!

Он с размаху хлопает по корпусу робота. Тот издаёт жалобный писк и к таким-то потомкам вырабается.

Мне хочется огреть гневливого фельдшера вон тем широченным рёберным расширителем.

– Зигфрид! Прекрати! Ты только усугубляешь ситуацию. Сом, перезагрузка всех роботов, быстрый старт. Я беру полное голосовое управление на себя.

Сомина быстро стучит по панели, запускает машины по новой. Роботы оживают, выстраиваются вокруг стола.

– Слушайте меня внимательно, – акцентирую всё внимание машин на себя. – Сейчас мы работаем как одна команда. Я отдаю приказы, вы выполняете. Никаких эмоций, никаких проверок и сомнений, только чёткие действия. Робот-коагулятор, зона В7, режим «Точечная коагуляция». Робот-сканер, анализ тканей в зоне С5. Соми, докладывай обо всех изменениях не реже одного раза в минуту: давление, пульс, сатурация. Я должна понять, как вытащить бедолагу из этой задницы. Зиги, держи нейрошунт на максимуме! Не даём мозгу отключаться.

Роботы начинают слаженно двигаться. Кровь останавливается. Сканер выдаёт картинку: в глубине – сгусток, давящий на сосуд.

– Вижу источник! – вскрикиваю от радости при виде изображения на мониторе. – Робот-манипулятор, аккуратно удали сгусток. Медленно, без рывков. Сомс, готовь нанороботов регенерации для сосуда. Зигс, следи за давлением, если упадёт ниже восьмидесяти, сразу докладывай.

Манипулятор аккуратно удаляет сгусток. Кровь перестаёт сочиться. Нанороботы заполняют зону повреждения, начинают восстановление ткани.

Сомина радостно верещит:

– Давление стабилизируется! Пульс близок к норме! Сатурация растёт!

Впервые за последние пару часов Зиг позволяет себе облегчённо выдохнуть:

– Ну наконец-то... А я уж думал, всё, кабзда молодчику.

– Рано радуетесь, – остужаю я их пылкие нравы. – Продолжаем операцию по плану. Теперь переходим к ревизии грудной клетки. Ищем повреждения в лёгких. Робот-сканер, режим «Глубокий анализ», зона D12.

Операция продолжается. Я чувствую, как уходит напряжение, а на его место приходит уверенность.

Да, без цифрового двойника сложно. Но мы – люди. Мы можем думать, принимать решения, рисковать. И спасти жизни, даже когда машины дают сбой.

Представляю вам наш лит.моб <https://litnet.com/shrt/Ym2Y>

«ЭРА БЛИЗНЕЦОВ. Одного мало», 18+

Их лица – зеркальное отражение.

Их души – два разных полюса.

Один окутывает прохладной заботой, другой опаляет необузданной страстью. Думаете, эти истории о выборе?

Они о том, как приручить лед и пламя, когда выбора нет.

4

К концу смены усталость наваливается такая, что даже ионный душ не спасает. Пятиминутная процедура в капсуле, где тело обдают потоком заряженных частиц, снимает мышечное напряжение, вымывает из тканей молочную кислоту и метаболиты, вызывающие ощущение «ватных ног». Однако с эмоциональной перегрузкой не справится ничто.

Да я и не надеюсь отделаться малой кровью. Всё равно душу греет осознание, что сегодня я спасла человеческую жизнь. По-настоящему. Своими руками.

Перед уходом домой заглядываю в палату к безымянному пациенту. Останавливаюсь у прозрачной перегородки, отделяющей коридор от палаты, и на секунду задерживаю дыхание. Входить не спешу – сначала нужно просто увидеть его вне операционной суеты: без мечущихся роботов, без криков Зигфрида и суетливых действий Сомины. Просто оценить картину, спокойно, по-врачебному.

Полицейский лежит неподвижно. Лицо, ещё недавно серое и искажённое болью, теперь выглядит почти спокойным. Только это затишье пугает больше любой агонии. В ней есть что-то слишком абсолютное, будто он не отдыхает, а прячется от мира за тонкой гранью между жизнью и чем-то ещё.

Его тело по-прежнему держат в узде технологии: экзоскелет-фиксатор, полупрозрачная биополимерная сетка, нейрошунт с тонкими нитями датчиков, кислородная наномаска.

Сама палата представляет собой стерильную камеру: стены из матового смарт-стекла, меняющего оттенок в зависимости от состояния пациента – сейчас они отливают мягким бирюзовым, призванным снижать тревожность.

Над кроватью висит голографический дисплей с жизненными показателями. Сейчас они в норме. Рядом тихо гудит автономный модуль поддержки. Он в реальном времени корректирует подачу лекарств и отслеживает малейшие отклонения.

Однако меня продолжает одолевать чувство тревоги.

Прижимаю ладонь к стеклу, будто могу через него почувствовать хоть каплю тепла. И тут же мысленно одёргиваю себя: эмоции – плохой помощник в диагностике. Но оно здесь, это тревожащее чувство сопереживания, и я не собираюсь прятать его даже от самой себя.

Первый настораживающий звоночек прозвенел ещё в операционной – личность пациента так и не удалось идентифицировать. Ни доступа к цифровому двойнику, ни отклика от нейроимпланта. Как будто он пришёл из пустоты.

В базе не нашлось ни отпечатков, ни генетического профиля, ни даже фрагмента данных с гиперлупа. «Сбой системы», – разводили техники. «Временные трудности», – бормотали администраторы. А я думала: как можно потерять человека в мире, где каждый шаг фиксируется, каждый вдох оцифровывается?

Второй звоночек пробивается в моём сознании прямо сейчас: у него нет браслета экстренной связи. Ни намёка на идентификационный чип. У полицейского – и ни одного маркера, по которым система могла бы найти родственников, коллег, хоть кого-нибудь.

Я прохожу в палату, и смарт-стекло за моей спиной плавно темнеет, отсекая лишний свет. Подхожу к кровати, вглядываюсь в лицо пациента.

Красивое, к слову, лицо, запоминающееся и яркое в своей индивидуальности. Тёмные ресницы лежат на бледных щеках, брови чуть нахмурены даже во сне – должно быть, привычка, выработанная годами напряжения.

Проверяю крепления фиксаторов, наблюдаю за траекторией нитей нейрошунта, сверяюсь с голограммой показателей. Всё в пределах допустимого. И от этого становится только страшнее. Потому что норма эта держится не на ресурсах его тела, а на тонком балансе технологий. Убери экзоскелет, и кости не выдержат собственного веса. Отключи нейрошунт, и мозг

прекратит борьбу с отёком. Несчастный полицейский висит на волоске, и этот волосок сплетён из проводов и алгоритмов.

– Кто ты такой? – шепчу я почти неосознанно. – И почему о тебе никто не волнуется?

Ответа ждать не приходится. Пациент в глубокой отключке.

Я достаю планшет, вывожу на экран протокол послеоперационного наблюдения и в графе «контактные лица» снова ставлю жирный прочерк. Пальцы замирают над кнопкой «сообщить о случае в отдел безопасности».

Ещё не время. Сначала нужно дать ему шанс проснуться. А потом, уже вместе с ним, искать ответы.

До Кванта – для непосвящённых поясню, что это сеть станций мгновенного перемещения, – идём под руку с Соминой. На разговоры нет сил, мы обе совершенно выжаты экстренной операцией.

У входа в герметичную кабину я по привычке задерживаю дыхание. Как в детстве, когда с разбега прыгаешь в холодную реку: страшно, но знаешь, что через секунду станет нормально. Только тут река – это пространство, а прыжок длится меньше мгновения.

Ещё пять лет назад я жила в глубинке, в небольшом областном центре. У нас было сверхзвуковое метро: поезда неслись под землёй на скоростях, от которых закладывало уши, а платформы сверкали хромом и голограммами. Казалось, быстрее уже некуда.

Но стоило приехать в Москву, и всё сразу встало на свои места. Сверхзвуковое метро здесь считали чем-то вроде музейного экспоната: да, быстро, да, технологично, но всё равно слишком... медленно. Пока ты мчишься по тоннелю, пока тормозишь на станциях, пока идёшь от платформы до выхода – минуты складываются в часы. В Москве же время научились не экономить, а стирать.

А теперь... теперь мы вместе с Соминой выходим из вестибюля клиники, преодолеваем двести шагов до стеклянного куба с мягким голубым свечением, приветствуем дежурного андроида (он всегда говорит: «Удачного перемещения, гражданки»), и занимаем места. И всё. Лёгкое мерцание, будто кто-то щёлкнул выключателем в глазах, и вот мы уже на окраине.

В первый раз я, конечно, чуть не закричала. Вышла, схватилась за стену, смотрела по сторонам и думала: «Это шутка? Где тряска? Где гул тоннелей? Где хотя бы объявление: «Осторожно, двери закрываются»? А вокруг люди спокойно идут, кто-то листает голограмму, кто-то допивает кофе, будто ничего особенного не случилось. Для них это обыденность. Для меня тогда – чудо.

Сейчас я уже не пугаюсь. Привыкла к этому мгновенному переходу, к тому, что расстояние больше не имеет веса. Но кое-что до сих пор цепляет. Например, как меняется воздух.

В моём родном городе пахло озоном от сверхзвуковых поездов, горячим металлом и пылью с платформ. Там технологии были громкими, ощутимыми, почти живыми.

Здесь же всё благоухает стерильностью, лёгким ароматом антисептика, тишиной, в которой слышно, как работает будущее. Иногда я скучаю по тому гулу, по той ощутимой скорости, которая хоть и уступала московской, но была родной.

Зато сколько всего я успеваю! Утром – навестить маму в глубинке (три секунды туда, три обратно), днём – забежать на выставку в другом районе, вечером – выпить чаю с подругой, которая живёт у самого моря. Раньше на всё это ушла бы неделя, да и то если повезёт с расписанием сверхзвукового метро. Теперь – всего один день.

Иногда, перемещаясь по сети Кванта, я думаю о тех, кто так и не привык. О знакомых из родного города, которые до сих пор выбирают сверхзвуковое метро, потому что «так надёжнее», потому что телепортация кажется им слишком уж... неестественной. О тех, кто боится, что при перемещении «что-то потеряется». Не нога или рука, а какая-то маленькая, но важная частичка души.

Я их понимаю. Но когда двери капсулы открываются в знакомом районе, а до работы остаётся ровно пять минут пешком, я улыбаюсь и думаю: пусть это и необычно, но по-своему правильно.

На платформе нас уже встречают мужья Сомки. Да, во множественном числе, потому что их двое.

Близнецы Радик и Казимир одновременно раскрывают руки для объятий и с мягкими улыбками на одинаковых лицах ловят мою подругу в путанное кольцо своих рук. Целуют они тоже синхронно.

А я смотрю на них со смесью зависти и восхищения.

Где-то глубоко внутри мне тоже хочется быть такой раскованной, купаться в океане мужской любви, но...

Ох, и сколько этих «но» всплывает в мозгу. Пальцев на руках не хватит, чтобы пересчитать.

Приглашаю Вас в увлекательную историю от Юлианны Клермон "Куколка для звездных охотников" <https://litnet.com/shrt/0AE4>

5

Я родом из Иркутска – города, который в 2558 году всё ещё умудряется хранить в себе что-то от старой, настоящей России. Не той, что мелькает в пропагандистских роликах про «великое будущее», но той, где люди смотрят друг другу в глаза, а не в свои голограммы.

Мои родители люди простые, достойные. Мама – учительница начальных классов. Она часто любит повторять: «Авушка, ты только не забывай, что за каждым экраном стоит живой человек. И ему нужно не решение нейросети, а доброе слово».

Она всегда учила детей писать от руки, хотя все уже давно перешли на нейроперья. Её каждодневный девиз: через пальцы к мозгу идёт другой путь, тёплый, человеческий, поэтому так важно овладеть навыком механического письма.

Отец... Папка у меня мастер по обслуживанию городских энергоузлов. Не какой-нибудь блестящий инженер из столичных лабораторий, а тот, кто лазает по шахтам, знает наперечёт каждую гайку и каждый провод. В его мировоззрении технологии – это всего лишь инструмент, а не смысл жизни.

Он может починить любой модуль, но раздражается, когда люди начинают прятаться за экранами и чипами. «Цифровой код не заменит совесть», – любит говорить он.

Они с мамой поженились по любви. Один мужчина, одна женщина – и точка. Никаких сложных семейных конфигураций, никаких государственных льгот за «оптимизацию демографии». Они до сих пор часто вместе готовят ужин, вместе ходят гулять по набережной Ангары, как когда-то вместе переживали, если у меня в школе что-то не получалось.

И меня растили так же, в простоте: держаться корнями и не терять себя в этом сверкающем, но холодном мире.

Когда я приехала в столицу, поначалу казалось, будто я попала на другую планету. Здесь всё было слишком... расчётливым. Даже чувства. Даже семья.

Мне двадцать пять. Возраст, когда уже следует задуматься о детях, о своём уголке, о том, с кем будет приятно встречать рассветы.

Я бы и сама хотела этого. Хотела бы просыпаться рядом с кем-то, кто спросит не про показатели здоровья, а про то, как мне спалось. Кто просто обнимет, когда день выдался тяжёлым.

Но здесь, в столице, всё иначе. Мужчины... они другие. Столичные жители, особенно из обеспеченных семей, кажутся мне чрезмерно... искушёнными. Будто они уже априори перепробовали все возможные удовольствия, все цифровые и реальные наслаждения, и теперь смотрят на мир с такой усталой снисходительностью, что становится не по себе.

В них есть какая-то внутренняя пустота, прикрытая дорогими имплантами и модными чипами. Иногда мне даже страшно представить, каково это – быть с таким человеком.

А ещё этот проклятый демографический закон... Что будет, если вдруг случится чудо, и я влюблюсь, а у моего избранника окажется брат-близнец? Ведь по нынешним правилам мне придётся вступать в союз с обоими.

Как я объясню это родителям? Как посмотрю в глаза маме, которая всю жизнь верила в нержавеющую формулу: любовь – это когда двоевыбирают друг друга, а не становятся частью какого-то сложного уравнения во славу повышения рождаемости?

Воображаю их лица... Отец, наверное, молча встанет и выйдет на балкон, чтобы не сказать чего-то резкого. А мама будет сидеть, тербя край скатерти, и тихо повторять: «Но ведь ты же хотела просто быть счастливой... Зачем же так спонтанно, девочка моя?» После чего непременно расплачется.

Иногда я думаю: а может, мне стоило остаться в Иркутске? Работать в местной клинике, где все друг друга знают, где пациенты приходят не только лечиться, а даже просто поговорить. Где ещё жива эта старая, добрая человечность.

Но потом вспоминаю, сколько людей нуждается в моей помощи именно здесь, в этом огромном, равнодушном городе. Сколько жизней висит на волоске, и только я могу этот волосок удержать. И понимаю: я здесь не случайно.

Просто... иногда очень хочется, чтобы среди всех этих технологий, протоколов и цифровых двойников нашлось место для чего-то настоящего. Для маленького, тихого счастья.

Для семьи, которая начинается не с генетического прогноза и не с государственной субсидии, а с двух пар глаз, которые смотрят друг на друга и видят не статистику и не демографические показатели, а человека. Моего человека. Одного.

Я поднимаюсь на седьмой этаж не на лифте. Он опять завис из-за сбоя в энергосети. Топаю по лестнице. В коридоре пахнет озоном от старых очистителей воздуха и чем-то домашним, вроде тёплого хлеба: соседи опять, небось, готовят в дегидрататоре запрещённые Минздравом пирожки.

Светильники мигают, подстраиваясь под уровень освещённости, но делают это с запозданием, будто не хотят признавать, что будущее тут слегка потрёпанное, неликвидное.

Моё общежитие – это бывший жилой модуль научно-производственного кластера, который в какой-то момент решили отдать под нужды бюджетников.

Высокие потолки, панорамные окна с видом на бесконечные неоновые уровни города, но сами комнаты – крошечные, зато с умными стенами: хочешь – они показывают лес, хочешь – звёздное небо, а хочешь – просто становятся матово-серыми, чтобы не давить на глаза после тяжёлой смены.

В комнате у меня всего по минимуму: кровать-трансформер, которая днём складывается в шкаф, кухня размером со скворечник, голографический терминал для учёбы и узкая полка с бумажными книгами – подарок мамы.

Она до сих пор считает, что «бумагу приятно держать в руках». И я не спорю: иногда именно эти шершавые страницы возвращают меня в беззаботное детство, где не было ни цифровых двойников, ни демографических квот, ни сетей Кванта.

Соседи, к слову, у меня... колоритные.

За стеной живёт Кираса, студентка-биотехнолог. Она вечно что-то выращивает в маленьком биореакторе: то светящиеся грибы для арт-проекта, то съедобные водоросли, которые, по её словам, «спасут мир от голода». Иногда её эксперименты пахнут странно, но она такая неунывающая, что на острые, а порой и тлетворные запахи просто не обращаешь внимания.

Справа обитает Томаш, инженер по обслуживанию городских дронов. Молчаливый, сосредоточенный, он собирает в своей комнате миниатюрные модели старых самолётов. Из деталей, которые находит на городских свалках. Говорит, что в этих винтиках и крыльях, в отличие от современных беспилотников, есть душа.

А напротив, в комнате побольше, обосновалась целая маленькая коммуна из трёх пожилых женщин – бабушек, как мы все их называем, хотя в Москве больше в ходу термин «инфо-предок» или «динозавр», что сокращённо звучит как «динка». Мне подобное обращение кажется унижительным, так что я с первых дней пребывания тут отучила местный электорат «динкать».

6

Бабулечки мои ненаглядные переехали сюда из старого района, который снесли ради очередной ветки квантового узла, и до сих пор утомительно ворчат, что «раньше воздух был чище, люди – добрее, а сахар – натуральным».

Именно эти бабушки сразу же бегут ко мне, когда что-то болит, тревожит или просто хочется человеческого тепла. Они не доверяют участковым андроидом: те, мол, слишком быстро ставят диагнозы и чересчур охотно предлагают «оптимизировать режим сна» или «скорректировать уровень стресса нейрочипом».

Вот и сейчас, едва я успеваю снять куртку и включить на стене вид на Байкал (пусть и голографический), в дверь уже стучат.

– Аврора, деточка, ты дома? – голос у бабушки Нины звонкий, несмотря на более чем столетний возраст. – Можно зайти на минутку?

Я открываю и улыбаюсь сразу всей троице. Бабушки Зоя и Люба смущённо переглядываются. В руках у Нины старая тканевая сумка, из которой выглядывает пучок какой-то травы.

Нина решительно переступает порог со словами:

– Ты же врач, хоть и молодой, а всё равно человек. Не жестянка какая пропащая. У Зойки со вчерашнего давление скачет, а этот титановый доктор в поликлинике только и твердит: «Повышен уровень кортизола, требуется нейрокоррекция». Да какая коррекция, если она просто скучает по дочери, которая на орбитальной станции?!

Зоя бочком протискивается в тесный коридорчик, тяжело опирается на бионическую трость и смущённо поправляет подругу:

– Ну, Нина, не выдумывай... Просто голова кружится. Может, витаминчики какие употребить... на каждодневной основе...

– А у нас вот, трава эта, с дачи ещё, с прошлого лета. Полынь да зверобой, – вклинивается в разговор Люба, выхватывает у Нины кулёк с душистыми травами и потрясает им передо мной. – Говорят, от бессонницы помогает. Но я боюсь: вдруг несовместимо с таблетками, что Зойке выписали? Ты скажи, Аврора, можно или нет? Не будет ли вреда от такой гомеопатии?

– Ой, совсем ты, Семённа, из ума выжила! – накидывается на неё бабушка Нина. – Гомеопатия – это ж микродозы по принципу подобия. Ежели у тебя сопلي текут, надобно луковый жмых в ноздри класть. А лечение травами – это целая наука, фитотерапия называется. Правильно я говорю, деточка?

Я улыбаюсь, приглашаю их войти, сажаю на складной диванчик. Включаю на стене тёплый, приглушённый свет. Такой, чтобы казалось, будто мы сидим не в тесной комнате общежития, а за столом в уютной кухне.

– Давайте по порядку. Зоя, покажите мне ваш браслет здоровья, я посмотрю данные за последние сутки.

Бедняжка хватается за сердце и выпучивает глаза.

– Так, спокойно, без паники, – вмиг усмиряю я мнительную старушку. – Я всего лишь сверюсь с показателями, это вроде первичного медицинского осмотра. А вы, Люба, дайте траву, я её просканирую экспресс-анализатором, скажу, что там за вещества и с чем они могут конфликтовать. И, пожалуйста, не надо тайком ничего заваривать, ладно? Даже самое доброе народное средство может навредить, если не знать всех деталей.

Нина аж подпрыгивает на месте от удовольствия и по очереди заявляет подругам:

– А что я вам говорила! Побочные эффекты никто не отменял! Напортачишь ты, Зойка, с отваром, махнёшь лишка и всё, во всей общаге на завтра траур объявят!

– Типун тебе на язык, старая перечница! – зло огрызается Зоя.

– Я же говорила вам, девочки, говорила: живой человек лучше любой железки, – заводит излюбленную пластинку Люба. – У чурбана искусственного сердца ж отродясь не было, а вместо мозгов – алгоритмы. Где ж ему с настоящим специалистом тягаться?!

– Прости, что беспокоим... – робко говорит Нина. – Просто когда этот механоид смотрит на тебя своими светящимися глазами и говорит: «Вероятность депрессии – 73 процента», становится как-то... холодно. Будто с калькулятором разговариваешь.

– Ничего страшного, бабушки! – восклицаю бодро. – Мне в радость с вами поболтать! Да и самой интересно разобраться в этой вашей... фитотерапии.

Пока я снимаю показатели с браслета Зои, Люба рассказывает про свою дачу – вернее, про то, что от неё осталось: «Теперь там квантовый ретранслятор стоит, а раньше лепота: клубника по краю грядки, и кошка Мурка на заборе сидела... Стол на веранде выставим, самовар раскочегарим по науке, как предки завешали, и ну давай чаи гонять.

Знала бы ты, девонька, как вкусён чай из самовара! Его настолько крутым наливают, что из кружки пить невозможно. Аккуратно тоненькой струйкой его в блюдце переливаешь, да чфыркаешь с самого краешку. А всё равно испарина прошибает, да! Так для таких дел у тебя полотенце белое вафельное да крахмальное на коленях. Утираешь лоб и по новой глыкать, да с баранкой в прикосочку – это ж самый смак!»

Нина вспоминает, как в её молодости лечили простуду горячим молоком с мёдом и тёплым шарфом на шею.

Я слушаю, киваю, делаю пометки в планшете, но главное – не тороплю их. Им важно выговориться, почувствовать, что их мир, пусть маленький, однобокий и жалкий, всё ещё имеет значение.

Анализатор пищи выдаёт отчёт по траве Любы: в целом безопасно, но есть маленькая вероятность аллергической реакции при взаимодействии с её гипотензивным препаратом.

Я мягко объясняю, как можно использовать траву без риска. Например, не пить отвар, а просто держать мешочек рядом с подушкой: запах успокаивает, а химии – минимум.

– Ох, спасибо, родная, – облегчённо выдыхает Зоя. – Хоть спать нынче спокойно буду. А то прямо извелась вся.

Они собираются уходить, но задерживаются в дверях.

– Ты, Аврора, не теряй этого в себе, – обернувшись, с очень серьёзным лицом просит Нина. – Этого умения слушать. Сейчас все торопятся, бегут, сломя голову, всё боятся припоздать: диагноз им за три секунды, а лечение за минуту. Забывают, битюги, что человеку иногда нужно просто, чтобы его посидели да послушали. Разговор, он, знаешь ли, и не от таких недугов исцелит.

Я киваю. Закрываю за ними дверь. Сажусь на край кровати, смотрю на голографический Байкал. Он сегодня спокойный, без волн.

И думаю: может, в этом и есть моя профессия – не только чинить тела с помощью нанороботов и нейрошунтов, но и быть тем самым источником разговора, к которому тянутся пациенты, если им захочется выговориться? Тем, кто услышит их жалобы, и не останется равнодушным к чужому горю, каким бы микроскопическим оно не казалось?

А за окном город продолжает мчаться вперёд на квантовых скоростях, теряя те самые частицы, которые ничем не восполнить. Не руки или ноги, но частички души, отвечающие за сострадание.

Мои дорогие читательницы! Представляю вам очередную новинку нашего литмоба "Эра близнецов" от Анны Опти "Милашка для близнецов" <https://litnet.com/shrt/qE6Q>

7

Сигнал тревоги ударяет по нервам раньше, чем я успеваю дочитать отчёт. Резкий, пронзительный, такой, что в груди всё сжимается: это не ложное срабатывание, не сбой датчиков – это крик системы о том, что где-то прямо сейчас рвётся тонкая грань между жизнью и хаосом.

Я вскидываю голову, и взгляд сам падает на монитор палаты 12Б. Показатели пациента, того самого полицейского без имени, взлетают до критических значений: пульс высоченный, адреналин в крови зашкаливает. А на записи с камер... на видео он уже не в качестве неподвижного тела под паутиной датчиков, он мечется, как загнанный зверь.

– Чёрт, – выдыхаю я, срываясь с места. – Чёрт, чёрт, чёрт...

Коридор проносится перед глазами, а в голове стучит всего одна мысль: «Только бы Сомка не оказалась там первой». Но я наперёд знаю, что она там.

Сомина всегда бежит впереди паровоза (ещё одно крылатое выражение моей бабули), у неё сердце слишком открытое и горячее, чтобы дожидаться инструкций.

Когда я врываюсь в палату, развёрнувшись в ней картина ударяет в грудь на манер разряда дефибриллятора. Сомина стоит у кровати – точнее, пытается отступить, прижавшись к стене, а включенный брюнёт нависает над ней. Руки сжаты в кулаки, глаза – пустые, бешеные, будто он видит перед собой не девушку во врачебном бирюзовом комбинезоне, а самого лютого демона из своих кошмаров.

Он хрипит что-то бессвязное, и каждое слово пропитано желчью и яростью.

Сомина дрожит от макушки до пяток, но старается говорить спокойно, как нас учили на курсах по работе с возбуждёнными пациентами:

– Пожалуйста... пожалуйста, не надо. Вы в безопасности. Вы в клинике. Вам сделали операцию, вы... вы восстанавливаетесь...

Однако мужчина не слышит. Для него не существует ни клиники, ни двух смертельно испуганных девушек, ни слов. Только угроза. Только инстинкт выживания.

– Кто вы?! – рычит он. – Что вы со мной сделали?! – вопрошает, на краткий миг оборачиваясь ко мне. И я пугаюсь гримасы ненависти, которая уродует его лицо до состояния гротескной маски злобы. – Где я?! Снимите это... снимите с меня эту дрянь! Я не крыса для опытов!

Он дёргается, срывает с груди датчик. Тот издаёт пронзительный писк и гаснет. Ещё один рывок, и экзоскелет, который должен поддерживать ослабленное тело, хрустит под его отчаянной силой. Он всё ещё слаб после операции, но адреналин делает его всамделишной машиной для убийств.

Я бездумно шагаю вперёд, скидываю руки – не для защиты, а чтобы показать: я не нападаю. Но двигаться нужно медленно, иначе он воспримет любое движение за атаку.

Заговариваю, чтобы пробиться сквозь панику:

– Стой, пожалуйста. Не трогай её, – эмоций не допускаю, чтобы не усугубить и без того отвратительное положение. – Посмотри на меня! Пожалуйста. – Мужчина нехотя поворачивается. – Меня зовут Аврора. Это я спасла тебе жизнь. Ты был на грани, но выжил. Благодаря мне... Нам! Благодаря нам. Мы обе приложили к этому руки. Сейчас ты в безопасности, но если сорвёшь ещё хоть один датчик, система отключит поддержку, и твоё тело просто не выдержит. Ты понимаешь? Ты можешь убить себя! Сам!

Он замирает на долю секунды, только чтобы перевести этот кишащий бешенством взгляд с меня на подругу и обратно. И я замечаю, что в глазах у него лишь первобытный страх загнанного в угол существа.

Пробую приблизиться ещё на шаг, и пациент замечает это неловкое движение.

– Не подходи! Не подходи ко мне! – понапрасну сотрясает он воздух. – Я нихера не помню... нихера! Только боль. И эти провода... они душат меня!

Сомина всхлипывает, прижимаясь к стене, и этот звук, кажется, прорывается сквозь блокаду животной ярости. Полицейский на секунду застывает, будто только сейчас заметил, что перед ним не враг, а испуганная девушка. Но первозданный ужас тут же накатывает на него новой волной.

– Прости... прости, я не хотел... – лепечет он бессвязно, – но я не могу... я не могу дышать!

– Ты можешь, – рискую я возразить. – Ты дышишь. Прямо сейчас ты дышишь, и ты жив. Но нам нужно, чтобы ты перестал рвать на себе датчики. Они не враги. Они держат тебя на плаву, пока твоё тело учится снова быть собой. Пожалуйста... просто замри. Дай нам помочь. Дай мне помочь.

На последнем слове я всё же предпринимаю отчаянную попытку вызволить подругу из плена неприятностей – встаю между ней и сбитым с толку пациентом.

В тот же миг за стенами из смарт-стекла прорисовываются силуэты службы безопасности. Я хочу вскинуть руку, чтобы оставить их жестом, только не успеваю.

Двери открываются максимально быстро, с сильным гулом и треском реле. Воздушная завеса не включается, чтобы не мешать охране. Зато добавляется тяжёлый, глухой «бух» – это аварийные упоры встают в нейтральное положение, не позволяя створкам закрыться случайно.

С потолка на нас обрушивается голос, леденящий кровь:

– Режим изоляции снят. Вход разрешён. Уровень угрозы: красный. Соблюдайте протокол 7-Б.

Я лихорадочно пытаюсь припомнить суть этого протокола, но перегруженный мозг отказывается работать. Вижу обезображенное яростью и неглубокими порезами лицо – красивое, к слову, если забыть на время о гримасе гнева, – и выбираю между спасением чужой жизни и собственной.

Киборги-охранники врываются в палату чёткой связкой. Их всего двое, так легче контролировать пространство и не создавать паники сверх необходимого.

Их корпуса – не громоздкая броня, а гибкие сегменты из поликомпозита с матовым покрытием. На груди светятся бледно-голубые метки миротворческого контура.

В руках у них компактные электроимпульсные модули. До сей поры я ни разу не сталкивалась с их грубой силой, но слышала, что заряд, выпущенный из такой штуковины, гарантированно выводит из строя агрессивного человека без необратимых повреждений. Если угроза возрастает, модули за доли секунды перестраиваются в кинетические излучатели и выдают импульс такой силы, что тот способен остановить даже киборга.

– Зона под контролем, – механическим басом рапортует охранник. – Персонал, сохраняйте позиции. Пациент, оставайтесь на месте. Любое резкое движение будет расценено как угроза.

Они не занимают центр, встают по диагонали, перекрывая линию атаки и одновременно страхуя друг друга. И в этой готовности ощущается самое пугающее: они здесь, чтобы спасти, но если придётся – уничтожат. Быстро, точно, без колебаний.

Напряжение в воздухе становится таким плотным, что его можно резать скальпелем.

Сомина, воспользовавшись короткой передышкой, тихо сползает по стене. Её глаза полны слёз, однако в них всё ещё светится это нелепое, невозможное сострадание. k2iCu7o_

– Он не угроза... он просто напуган, – блеет она тихонько. – До смерти напуган.

Я цепляюсь за её мысль: именно это и нужно сказать ему. Не про безопасность, не про датчики – про страх.

– Да. Ты напуган. И это нормально, – с трудом ворочая языком. – Ты очнулся в незнакомом месте, твоё тело не слушается, вокруг чужие люди и провода. Любой бы испугался. Но ты не один. Мы здесь. И мы не хотим тебе зла. Просто позволь нам быть рядом. Позволь нам помочь тебе вернуться к себе.

Он слушает сосредоточенно. Оглядывает нас с сомнением, притом дольше всего присматривается к киборгам. Затем опускает руки.

Кулаки разжимаются. Дышит он действительно тяжело, грудь вздымается словно через усилие, а взгляд беспрестанно мечется между мной, Соминой и безопасниками, будто ожидая подвоха.

– Я... я ничего не помню, – говорит он растерянно. – Ни своего имени. Ни лица. Только... только темноту. И боль.

– Это пройдёт, – я осторожно, самыми кончиками пальцев касаюсь его плеча. – Память вернётся, или мы поможем её собрать по кусочкам. А сейчас тебе нужно просто отдохнуть.

Приляг, – я указываю рукой на разгромленную постель. – Давай снимем только те датчики, которые действительно мешают. Не всё. По чуть-чуть. Договорились?

Он кивает, едва заметно, но это уже путь к осмысленному общению. Не капитуляция, а крошечное доверие.

Киборги опускают оружие и отходят к дверям.

Сомина, дрожа, поднимается и подходит ко мне, встаёт плечом к плечу, не потому, что готова к новой атаке, а потому, что мы – команда. И в такие моменты команда – это когда ты стоишь рядом, даже если колени подгибаются.

Мы снимаем с бедолаги только самые раздражающие крепления, те, что впиваются в кожу, вызывая панику. Оставляем главное: систему поддержки, контроль давления, кислород. И пока я тихо объясняю мужчине, что мы делаем и зачем, Сомина держит его за запястье, будто напоминая: «Ты не один. Здесь есть и другие, кто разделяет твои страхи и боль».

А для самых внимательных бонус - промик "Мои две половинки 2" e1fW6ztH

Представляю вам следующего участника литмоба "Эра близнецов" автора Максимиан "Сердце пополам" <https://litnet.com/shrt/IM2s>

8

Кухня в общежитии кипит своей обычной жизнью: гудит старый термоблок, дегидратор фырчит, превращая вчерашние засохшие лепёшки в ароматнейшие лаваша, а воздух пахнет корицей, озоном и чем-то неуловимо «общажным», будто сама комната хранит запахи всех, кто в ней когда-либо бывал.

Я устраиваюсь у стойки, тереблю идентификационный жетон. Тот самый, что сняли с пациента при поступлении. Рядом, прислонившись к стене, стоит бывший следователь по особо важным делам Гарим – седой, неторопливый, с лицом, которое видело слишком много смен и слишком мало отпусков.

Он неспешно наливает себе травяной настой и слушает мой сбивчивый рассказ так, как умеют только старые оперативники: чутко, не перебивая и в то же время ища подвох в каждом слове.

– Понимаешь, я его пробила по всем базам, каким только смогла. По городской биометрии – ноль. По федеральному реестру граждан – ноль. Даже по ведомственным полицейским протоколам за последние пять лет, есть у меня один институтский знакомый... А в результате – ничего, дырка от бублика, как будто его никогда не существовало. Человек-призрак. Я даже полезла в архив «Цифрового следа»: там хранятся все транзакции, все входы в транспорт, все покупки, даже штрафы за превышение скорости. У каждого человека к тридцати годам там по тысяче записей. А у него – пусто. Ни одной.

Гарим ставит кружку, смотрит на меня внимательно. Пожёвывает кончик языка и лишь затем резюмирует:

– «Цифровой след» не врёт. Если там пусто, значит, человек либо жил в глухой зоне без покрытия, либо... его специально стёрли.

– В глухой зоне? – честно говоря, я впервые слышу о чём-то подобном. – Но он был в форме патрульного. И экипировка у него не кустарная, не самоделка. Это стандарт полиции мегаполиса.

Кираса вклинивается между нами, хватает из навесного шкафа банку с чем-то светящимся и бросает на ходу:

– Может, он из параллельного измерения? Я читала статью: квантовые флуктуации иногда создают временные «окна», и через них...

– ...и через них вываливаются полицейские без памяти, – саркастично добавляет Томаш, высовывая голову из-за буфета. Надо же, мы и не подозревали о его присутствии. – Кира-джан, ты опять свои научные журналы запойно читаешь по ночам?

– Зато я хотя бы не собираю *самотёки* из мусора, – фыркает соседка и улепётывает вместе со своей добычей.

Томаш орёт ей вслед:

– Это называется са-мо-лёт, невежда! И с их помощью я реконструирую огромную вежу в истории человечества, которая...

– Не слушай их, – Гарим невесомо касается моего локтя. – Расскажи про вещи. Что было при нём?

Я беру с соседнего стула небольшой герметичный пакет, стандартный больничный, с маркировкой и штрих-кодом. Внутри лежат три предмета. Выкладываю их на стойку, как улики в крайне запутанном деле.

Наручный коммуникатор, но не гражданский, а служебный: тяжёлый, с усиленной защитой, без серийного номера. Экран не откликается, будто его намеренно заблокировали на уровне прошивки.

Следом идёт жетон патрульного, только личный код у него отсутствует. Просто металл, гравировка, номер участка... и всё. Словно кто-то аккуратно стёр с него всю информацию, оставив только форму.

Закрывает тройку маленький плоский чип, похожий на носитель данных, однако же и он какой-то нестандартный. Ни одного знакомого разъёма, ни единого символа.

– Вот, – по очереди пододвигаю диковинные предметы бывшему следователю. – Коммуникатор мёртв. Жетон сгодится разве что в качестве сувенира. А этот чип... я даже не знаю, куда его вставить. В нашей лаборатории сказали, что это не гражданский формат, не военный, не корпоративный. «Неизвестный протокол», – вот и весь ответ.

Гарим вглядывается в жетон, вертит его в пальцах, хмурится.

– Номер участка... знакомый, – произносит после минутной паузы. – Я там служил лет двадцать назад. Но тогда жетоны были другие. А этот... стиль новый, но... будто из другой ветки реальности.

– И участковый мне то же самое сказал: «Отделение вроде наше указано, но... Нет. Нет у нас таких сотрудников», – вздыхаю я и качаю головой, отказываясь соглашаться с самой очевидной версией – пациент мой попросту свалился с неба или прибыл из параллельной вселенной. – Но разве такое возможно? В эпоху тотальной цифровизации человек не может просто... появиться из ниоткуда.

– Может, – твёрдо заверяет отставной полицейский. – Если он не должен существовать.

– То есть как не должен?

– Слушай, давай не будем гадать на кофейной гуще. Ты мне дай этот чип. Есть у меня свой институтский знакомый, в техническом отделе штаны протирает. Где именно, не скажу, потому как не следует нам о таком месте болтать. Так вот, он ещё помнит, как чинили устройства, у которых нет инструкции. Может, и подскажет, что это за морковина и каким хреном её приправляют.

– Спасибо, Гар. Я больше не знаю, к кому обратиться. Понимаешь, мы никак не можем подобрать верный курс лечения для этого несчастного. Без цифрового двойника у меня фактически руки связаны, а помочь очень хочется. Ведь где-то там у него есть семья, возможно, даже дети, которые обеспокоены его внезапным исчезновением.

– Всё будет в лучшем виде, – напоследок успокаивает меня Гарим, складывает вещи обратно в пакет и кивает на прощание.

А меня ждёт новый рабочий день и одна очень неприятная встреча с чиновником из городской администрации.

Знакомлю вас еще с одной историей нашего лит.моба от автора Рита Лурье "Два по цене одного" <https://litnet.com/shrt/JsMT>

9

Кабинет клерка всегда встречает едва уловимой ноткой ванили – стандартный ароматизатор для «смягчения стресса». На стене тихо мерцает голографический герб Службы демографической стабилизации, а под ним, нацепив на лицо самую радужную из всех улыбок, сидит контролёр. Мужчина лет сорока, с идеально уложенными волосами, в тёмно-синем кителе с тонкими серебряными полосами.

Ведёт он себя непринуждённо, будто мы встретились на дружеской вечеринке, а не на очередном допросе.

– Аврора Ильинична, – великодушным жестом он приглашает меня занять стул для посетителей, жутко неудобный, между прочим, – искренне рад, что вы пришли вовремя. Это уже хороший знак. Ведь какая наша главная задача?

Вопрос ставит меня в тупик, и всё же осмеливаюсь предположить:

– Профилактические беседы на тему семейных ценностей?

Госслужащий выдавливая из себя жеманный смешок.

– Ох, и любите же вы поострить, – после чего прокашливается и расхваливает меня на все лады. – Вы ценный специалист, талантливый врач. И мы очень хотим, чтобы вы были счастливы. По-настоящему счастливы, а не делали вид, что всё в порядке.

Невольно выпрямляю спину и говорю спокойно, хотя всё внутри бурлит от напряжения:

– Я и так счастлива. У меня есть работа, которая мне нравится. Есть люди, которым я помогаю. Разве этого мало?

– Мало, Аврора Ильинична. По закону – мало, – он кивает и делает пометку в планшете, словно мой ответ был столь дерзок, что требует занесения в протокол. – Законы в нашей с вами стране не про «нравится» или «не нравится». Они про баланс. Про выживание вида. Вы ведь не станете спорить, что продолжение рода – базовая потребность человека?

И снова всё летит к чертям, потому что эти душещипательные беседы о демографии набили на мне не одну оскомину.

– Стану. Потому что потребность должна быть внутренней, а не продиктованной сверху. Я не отказываюсь от идеи семьи. Просто... – делаю короткую паузу, чтобы подобрать корректное слово, – не сейчас. Мне нужно время.

Контролёр всё ещё улыбается, но этот лицевой оскал становится жёстче, как застывающий пластик:

– Время – это роскошь, которую государство сейчас не может себе позволить, дорогая наша Аврора Ильинична. Показатели рождаемости падают. И мы обязаны реагировать. Вы уже состоите на учёте... – он деловито водит пальцем по экрану и осуждающе цокает языком. – Нда, без малого три года. И каждый раз, когда вы приходите сюда и говорите «не сейчас», система фиксирует это как... нежелание сотрудничать. А нежелание сотрудничать – это уже риск.

В дверь тихо стучат, и в проёме показывается синеволосая ассистентка.

– Простите, Игорь Акирьевич, – шипит она, – но у вас через десять минут совещание по квотам для многодетных.

– Спасибо, Изи, – буднично роняет он, не сводя с меня испепеляющего взора. – Я скоро буду.

Дверь закрывается с мягким стуком. И в этот момент что-то в комнате меняется, будто температура резко обваливается на пару десятков градусов.

– Давайте без иллюзий, Аврора, – без прежних кривляний продолжает диктатор. – Вы не просто «не готовы к чувствам». Вы нарушаете закон. И это не шутки. У нас есть рычаги. Мы можем направить вас на углублённую психологическую диагностику. И если у вас отыщутся признаки устойчивого сопротивления социальным нормам, а именно к этому всё идёт, – это

уже будет классифицироваться как психическое отклонение. А с отклонением – прости-прощай лицензия врача.

Мне нечем дышать. И ладони взмокли так, что хочется потребовать полотенце.

– Это шантаж, – заявляю я с куда большей бравадой, нежели ощущаю внутри. – Вы не можете лишить меня права заниматься медициной только потому, что я не замужем.

Контролёр усмехается и сбрасывает с себя шелуху весёлости.

– Могу. И дело вовсе не в замужестве, уж поверь. Всё сводится к тому, что ты, моя горделивая, демонстрируешь неспособность к интеграции в социальную структуру. Это, кстати, точная формулировка из регламента. Очень удобная, правда? Она покрывает всё: от нежелания заводить отношения до отказа посещать групповые релаксации. Ты ведь отказалась от них в прошлом месяце, верно?

– Да, – я тоже отбрасываю маски и стараюсь выглядеть решительной. – Потому что это не лечение. Это... промывка мозгов.

Чиновник резко подаётся вперёд, и на секунду мне кажется, что передо мной уже не вежливый служащий, а кто-то совсем другой – жёсткий, циничный, пугающе хладнокровный, привыкший ломать сопротивление. Не ошибусь, если скажу, что путём физического насилия.

– Не надо пафоса, милочка. Здесь нет никакой идеологии. Есть статистика. Есть план. И есть ты – молодая, здоровая женщина, которая по всем параметрам должна быть в отношениях, а вместо этого прячется в своей камере в общежитии и носится с чужим насморком в надежде когда-нибудь встретить вселенскую любовь. Вот только так не бывает, девочка.

– Бывает, – стою я на своём, вопреки тревожным звоночкам от чувства самосохранения.

– И я имею право выбирать, что для меня важнее.

– Право... – эхом повторяет законник Игорь Акирьевич. Он откидывается на спинку кресла, скрещивает пальцы и всю меня обдаёт противно липким взглядом. – Интересное слово. В нашем обществе право – это привилегия, которую нужно заслужить. Ты пока этого права не добилась. А если и дальше будешь отказываться от помощи: от психологов, от рехаба, от рекомендованных курсов эмоциональной адаптации; мы будем вынуждены перейти к более жёстким мерам.

Он замолкает на долгих две минуты, давая словам осесть, проникнуть под кожу, обжиться там и пустить корни в воображение.

Затем дополняет картинку описанием моих будущих страданий.

– Начнём с понижения твоего социального рейтинга. Это скажется на доступе к жилью, на возможности продлевать контракт в клинике, на праве пользоваться городским транспортом бесплатно. Тебе ведь нравится бывать у мамы не реже одного раза в неделю? Что ж, эту привычку легко можно признать пагубной.

Потом мы вывесим публичное уведомление о нарушении тобой демографических норм. Знаешь, как это работает? – Я надрывно молчу и молюсь только об одном: как бы не расплатиться на глазах у этой бездушной скотины. – Твой профиль будет помечен в городских сетях. Коллеги будут видеть: «Аврора Скай не соответствует социальным стандартам». Как думаешь, сколько дней пройдёт, прежде чем тебе перестанут доверять пациентов?

Чувствую, как холодок ползёт по спине. Не от страха, от осознания, насколько продуманной и безжалостной является эта система. Без криков и прямых угроз она медленно, методично перекрывала все пути, оставляя только один: подчиниться.

– Вы говорите так, будто любовь – это обязанность. А она не может быть обязанностью. Иначе это не любовь.

Контролёр встаёт, я при этом непроизвольно отклоняюсь назад, словно желая дистанцироваться. Он подходит к окну, смотрит на медленно утопающий в ярких неоновых огнях город, будто оценивая его масштабы.

– Любовь, дурочка моя замороченная – это роскошь. А государство не может позволить себе роскошь. Нам нужны семьи. Нужны дети. Нужны стабильные пары, которые выполняют свою функцию. И если чувства не приходят сами, мы их стимулируем. Психологией, медикаментами, социальной поддержкой. А если и это не помогает... тогда приходится применять санкции.

Он поворачивается ко мне, и в глазах невозможно рассмотреть ни капли сочувствия. Там только холодная уверенность в своей правоте.

– У тебя есть неделя, Аврора. Ровно неделя, то есть семь дней, чтобы записаться на приём к рекомендованному психологу. Неделя, чтобы начать посещать групповые занятия по эмоциональной регуляции. Если через семь дней в системе не появится отметка о твоём самом активном участии, мы начнём процедуру понижения рейтинга. И поверь, пташечка, обратной дороги с этого социального кладбища не существует.

Я тоже выпрямляюсь. Ноги кажутся освинцованными, руки мелко дрожат.

– Я подумаю, – бросаю невзначай и намереваюсь уйти, когда сзади ударяет окрик:

– Подумайте, Аврора Ильинична, крепко подумайте. Только не слишком долго. Время – наш самый ценный ресурс.

Он нарочно заканчивает наш разговор фразой из пропагандистского ролика, думает тем самым меня окончательно доконать.

И это срывает. По пути к сети Кванта я отчаянно смахиваю со щёк злые слёзы и изобретаю витиеватую многоходовочку, в которой собираю вокруг себя таких же «социально нестабильных» и даю рьяный отпор прогнившей до основания системе.

И хотя я знаю, что подобное возможно лишь в запрещённых цензурой фильмах об отчаянных революционерах, на душе всё равно становится спокойнее.

Всё у меня наладится. Непременно.

Ещё одна новиночка нашего литмоба от Алексы Алс "Двойной сюрприз для наемницы"
<https://litnet.com/shrt/BCMf>

10

Комната для групповых занятий выглядит как гибрид лектория и сенсорной капсулы: мягкие кресла-трансформеры, приглушённый янтарный свет, на стене висит бегущая строка с лозунгами: «Семья – опора общества», «Любовь – ресурс нации», «Стабильная пара – залог устойчивого развития».

В центре утопает в кресле психолог, доктор Лимара. Ярко-рыжие волосы уложены в идеальную спираль, на шее болтается голографический кулон в виде сердца, который пульсирует в такт речи. Она говорит так, будто зачитывает сводку новостей с передовой – в голосе сплошные бравада и пафос.

Я устраиваюсь в самом дальнем углу, стараясь слиться с окружением.

Сегодня четвёртый сеанс этой навязанной терапии, и мне отчаянно хочется выть от нежелания здесь находиться.

Сколько времени тратится впустую!

По обе стороны от меня ещё несколько девушек, каждой не повезло родиться в мире, где собственное мнение расценивается как саботаж.

– Дорогие мои, мы здесь для того, чтобы перестать прятаться от счастья! – патетично восклицает психолог и обводит присутствующих блестящими от слёз глазами. Это её моноспектакль на тему «Как я рада, что мы наконец собрались вместе!» – Мы здесь, чтобы вернуть себе способность любить. Ведь любовь – это не роскошь, а базовая функция, как дыхание или сон. Кто хочет начать?

Тишина. Только тихо жужжит кондиционер под потолком.

– Я не хочу возвращать способность любить, – скрестив руки на груди, бурчит Ивон. – Я хочу, чтобы меня перестали заставлять её включать по расписанию.

– Отрицание – это первый шаг к принятию! – талдычит своё Лимара. – Прекрасно, что ты это озвучила. Расскажи, что именно тебя пугает в близости?

– Меня пугает не близость, – фыркает Ивон. – Меня пугает, что меня заставляют её хотеть. У меня в голове свои проекты, свои эксперименты, свои стремления, в конце концов. А мне говорят: «Сначала найди пару, потом пиши картины». Это как требовать, чтобы батарейка сначала влюбилась, а потом начала питать прибор.

– А меня... меня пугает, что я всё испорчу, – встревает вечно перед всем дрожащая Тамара. Она обращается к своим коленям, и так и продолжит сидеть, уткнувшись подбородком в грудь, потому что страшится чужих взглядов. Несчастное затюканное существо. – Я всегда всё порчу. Один раз я просто хотела помочь соседу по общежитию, принесла ему пирог, испекла сама. А он... он подумал, что это намёк. И начал говорить про «совместное будущее», про «идеальную пару». А я просто хотела, чтобы человек не грустил. С тех пор я стараюсь вообще ни к кому не подходить.

– Это очень ценно – твоя забота! – психолог принимается кивать болванчиком, будто поощряя бедняжку впредь отдаваться мужчинам вместе с пирогами. – Но помни: забота – это уже форма любви. И общество ценит тех, кто умеет делиться теплом. Давай попробуем упражнение: представь, что ты снова печёшь пирог. Но на этот раз ты делаешь это не для одного человека, а для всей своей будущей семьи. Как ты себя чувствуешь?

Томка вздрагивает, комкает край юбки в бледных до синевы ручонках.

– Как будто я не пирог пеку, а смертный приговор подписываю.

Я хрюкаю и тут же маскирую свою оплошность кашлем. Давлюсь смехом и бью себя по груди, останавливая эту неуместную реакцию.

Наконец, в комнате повисает неловкая пауза. Её нарушает Зарина, которая до этого смотрела в одну точку, будто пыталась просверлить стену взглядом.

– Вы всё говорите про «любовь», а я видела, как «любовь» ломает людей. Моя мама вышла замуж по квоте. Ей сказали: «У вас множество совпадений в профилях, вы подходите друг другу». Они жили в одной квартире, делили быт, даже улыбались на семейных фото. А по ночам она плакала в ванной. Тихо, чтобы никто не слышал. Потому что этот «подходящий» муж измывался над ней днями напролёт.

Лимара залихватски изгибает красиво очерченную бровь и поворачивается к другой пациентке, чтобы перебить неудобное признание, только Зарина добавляет голосу звучности и, зная себе, гнёт свою линию.

– Думаете, он издевался физически, увечил её?! Как бы не так! Эта тварь отлично знала, что за подобные проступки людей отправляют в колонии. Так что он изобретал куда более изощрённые пытки. Унижал её перед друзьями. Порочил в глазах коллег. Даже меня пытался настроить против неё, против родной матери! И всё это случилось с нами, потому что мой отец погиб на золотом руднике! Я не хочу повторять её судьбу! Я лучше вовсе откажусь от любви, чем вступлю в брак с человеком...

– Боль твоей мамы – это трагедия, которую мы больше не должны повторять, – доктор Лимара вскидывает руку и жестом велит Зарине молчать. Чуть наклонив голову, она старается сгладить своей очаровательной улыбкой эффект от шокирующего рассказа и снова сыплет лозунгами: – Именно поэтому у нас есть наша служба: чтобы никто не оставался один, чтобы каждый нашёл своё место в паре, где не будет слёз. Любовь – это система поддержки. Как страховка. Как резервный генератор. Ты не должна бояться, потому что теперь ты не одна.

– Знаете, я боюсь не любви, – нервно хихикает Мира, постукивая пальцами по мягкому подлокотнику. – Я боюсь... прикосновений. Не в смысле «фу», а в смысле... у меня кожа слишком чувствительная. Любой контакт – как электрический разряд. Я однажды случайно задела руку парня в транспорте, и у меня сердце чуть не выпрыгнуло. А мне говорят: «Это химия, это нормально, это связь». А для меня это пожарная тревога. Мне больно от близости с другим человеком, понимаете?!

– Сенсорная гиперчувствительность – это вызов, но не приговор! – едва ли не агрессивно хватается психологиня за прекрасную возможность сменить тему. – Мы можем подобрать тебе партнёра с низким тактильным профилем. Или начать с бесконтактных форм взаимодействия: совместные прогулки, синхронное дыхание, парные медитации. Главное – не закрываться. Изоляция – это угроза стабильности общества.

11

Я усиленно пытаюсь не закатить глаза. Непрошибаемая женщина. Ей говорят о редкой генетической аномалии – синдроме тактильной эмпатийной боли, – а эта представительница Фрейда только потешается, советует откровенную ерунду.

Что это за партнёр с низкой тактильностью? Человек-водица, что ли? Ей необходимо пройти курс лечения, серьёзную генную коррекцию. И я твёрдо намерена обсудить стратегию врачебного вмешательства после занятий, потому что представляю, каково жить с таким врождённым «наследством».

С мысли меня сбивает Лия, ещё одна яркая представительница нашей компании злостных нарушительниц социальных норм. Она на минуту отрывается от своего планшета и роняет вскользя:

– Да чё вы вообще прикопались? Есть у меня парень. Виртуальный. Его зовут Эхо. И ему срать на этот ваш грёбаный социальный рейтинг! Мы не церемонимся, по тусам не таскаемся с целью лишь бы засветиться у пипла на радарх! И не обсуждаем, когда детей начнём штамповать! Потому что во вам, – она складывает пальцы в дулю, смачно харкает на неё и суёт под скривившийся носик Лимары. – А ещё он не таращится на меня, будто я дырка в его идеальной картинке, которую срочно надо заткнуть. Ну, как вы там в своём клубе женатиков обычно дырки затыкаете, притом сразу все, чтоб уж наверняка! За этим ведь и подсовываете нам близнецов, правда ж?! Чтобы побольше затыкалок втюхать!

Так что отвалите от меня уже со своими умными фразочками: «нестабильная связь», «ячейка общества невозможна с искусственным интеллектом»... Да на херу я вертела эту вашу ячейку! Бюрократы офонаревшие! Всё вам надо по полочкам разложить, в графу вписать, галочкой отметить. Да какое вам вообще дело, как меня прёт, и кто это делает? Какое право вы имеете решать, что для меня «достаточно»?

Не собираюсь я шпилиться с двумя омерзительными мужиками до конца жизни! Я хочу перепробовать всё, и на данном этапе виртуального секса мне за глаза, ясно?! А за реальный надо будет вашим сучьим пожизненным браком расписываться. С какого ... уя вообще?

Доктор Лимара ни единого раза не дрогнула во время этой пылкой речи, но в какой-то момент в льдисто-голубых глазах мелькнуло что-то жёсткое.

– Виртуальные отношения – это тренировка. Как тренажёр перед настоящим полётом. Но нельзя всю жизнь сидеть на тренажёре, когда за окном настоящее небо! Ты должна попробовать реальный контакт. Ведь настоящая любовь – это ответственность. Это вклад в будущее страны.

И тут я не выдерживаю. Рублю с плеча, раз уж все мы негласно настроены высказаться начистоту.

– А если я не хочу делать вклад в будущее страны ценой своей жизни? Если моя работа – это мой вклад? Я спасаю людей. Каждый день. Разве не это важно?

– Важно, – отвечает мне мозгоправ с материнской заботой, такой же фальшивой, как и её слепленная пластическими хирургами красота. – Но недостаточно. Один человек – это капля. А семья – это река. И именно реки питают государство. Ты можешь спасти людей, Аврора. Но если ты отказываешься строить семью, ты отказываешься от главного предназначения женщины. Поймите все! Вступление в активные отношения с одним мужчиной или несколькими – это ваша прямая обязанность, дело первостепенной важности.

– То есть если я не в паре, я – неполноценная? – фыркает Ивон, и в её голосе сквозит пренебрежение к речам психолога.

– Никто не говорит «неполноценная», – с приклеенной улыбкой поправляет Лимара. – Мы говорим «нуждающаяся в поддержке». И мы эту поддержку даём. Курсы, психологи, подбор партнёров, релаксации, рехабы – всё для того, чтобы ты смогла раскрыть свой потенциал.

– А если мой потенциал в том, чтобы печь пироги и не обещать никому вечности? – тихо спрашивает затюканная Тома.

– Или в том, чтобы вообще ничего никому не обещать и держаться подальше от всех потребителей? – подливает масла в огонь Зарина, жертва чокнутого отчима.

– Или в том, чтобы никто ко мне не прикасался без моего разрешения, – вносит свою лепту Мира, которой в принципе противопоказаны отношения, покуда не исцелена её генетическая мутация.

– Идите в жопу, – лаконично замыкает круг хабалка Лия. – С кем хочу, с тем и жахаюсь. И харкать на всех вас с небоскрёба.

– Я слышу вас, – подхватывает эстафету Лимара и опять пичкает нас агитациями. – Каждая из вас важна. Но закон есть закон. И наша задача не спорить с ним, а помочь вам в него встроиться. На следующей неделе у нас будут практические занятия: моделирование свиданий, тренировки эмпатии, анализ совместимости профилей. И я очень надеюсь, что к концу месяца каждая из вас сделает хотя бы один шаг навстречу своему счастью.

Она щёлкает пальцами, и на стене вспыхивает новый лозунг: «Счастье – это обязанность каждого гражданина».

Ладно, что уж там. Пойду становиться счастливой в угоду нашему процветающему государству.

А в следующей главе мы будем разбираться с памятью пострадавшего полицейского))

Не пропустите жаркую новинку нашего лит.моба от Евы Романовской "Семь уроков соблазна" <https://litnet.com/shrt/i8Pp>

12

За те несколько дней, что я провела в группе поддержки, выслушивая о бесконечных долгах перед родиной, мой безымянный пациент стремительно пошёл на поправку. Молодой, пышущий силой организм заново учился быть живым. Пульс выровнялся, рефлексy вернули чёткость, мышцы снова стали послушными. Он окреп. Почти как раньше. И это вызывало радость.

Я вхожу тихо, чтобы не спугнуть эту хрупкую собранность, которая на нём теперь держалась, будто тонкий слой лака. Он сидит у окна, смотрит на город, спокойно, без напряжения.

– Привет, – говорю негромко, прислоняясь плечом к стенке шкафа. – Ты выглядишь... лучше. Намного лучше.

Он поворачивает голову, улыбается так, словно пытается подбодрить.

– Спасибо. Чувствую себя почти человеком.

«Почти», – царапает внутри меня.

Сажусь напротив, стараясь не выглядеть так, будто собираюсь обрушить на него что-то тяжёлое. Но тянуть дальше нельзя.

– Мы не можем больше делать вид, что это просто «временные трудности», – начинаю я, подбирая слова, но потом решаю: хватит этой вежливой осторожности. Он заслужил прямоту. – Твоя память не возвращается. Да, ты помнишь Социальный кодекс, будто зубрил его вчера. Помнишь любимых авторов, даты, статьи, законы – всё, что можно выучить и уложить в систему. Но себя ты не помнишь. Ни имени, ни возраста, ни того, кто был рядом. Это не пробел. Это пустота. И глупо ждать, что она заполнится сама.

Он не отводит взгляд. Только чуть наклоняет голову, будто прислушивается не к словам, а к тому, как они ложатся у него внутри.

Я уже привыкла к его внешности, хотя по началу ощущала лёгкий трепет от выверенных лицевых черт. Он очень недурён собой. Высокий, подтянутый голубоглазый брюнет. Смуглая кожа и жёсткая щетина, которая оставалась на лице даже после бритья, делали его весьма приятательным объектом для рассматривания.

– Пустота, – повторяет он. – Хорошее слово. Не «потеря», не «дыра», не «провал». Пустота. Как комната, в которую ещё не занесли вещи.

От этой метафоры у меня сжимается сердце. Слишком точно. Слишком страшно.

– Ты говоришь об этом так, будто это нормально. Будто можно жить, когда у тебя нет прошлого. Когда ты знаешь всё про мир и ничего про себя. Ты как клон, сбежавший от прототипа. Знаком с правилами игры, но не знаешь, какой ты в ней игрок.

Он молчит некоторое время. Скользит по мне кристально чистыми глазами. Потом тихо, почти про себя предполагает:

– А может, это и есть шанс? Начать без груза проблем. Без старых ошибок, без старых ярлыков...

Я резко качаю головой, не давая ему спрятаться за этой красивой мыслью.

– Не надо, – говорю жёстче, чем собиралась. – Не надо делать из этого дар. Это не свобода – это ампутация. Ты потерял не просто факты. Ты потерял ощущение себя. А без него любая победа – — пустая. Любой успех – чужой.

Он чуть хмурится. Не от злости, а от попытки понять.

– И что ты предлагаешь, доктор?

Я подаюсь вперёд, глядя ему прямо в лицо. Цепляюсь за губы – объёмные, сочные, именно такие, что мне вдруг хочется узнать, каковы они на вкус.

– Я предлагаю не мириться, – безжалостно выдворяю всю ересь из головы. – Не уговаривать себя, что пустота – это новая комната. Это не комната. Это чердак с прохудившейся

крышей, откуда испаряется всё самое важное. У нас есть методы. Есть протоколы стимуляции автобиографической памяти. Нейромодуляция, работа с ассоциативными триггерами, контролируемые сенсорные стимулы... Мы можем попробовать вернуть твои «вещи» обратно. Или хотя бы помочь тебе собрать новые. Не идеальные. Не красивые. Но твои.

Он смотрит на меня долго. В этом взгляде нет ни слепой надежды, ни упрямого отрицания, только готовность услышать всю правду до конца. Решительность.

– Хорошо. Я готов рискнуть. Даже если окажется, что возвращать нечего. Я хочу знать, кто я.

И мне вдруг становится очень тепло от осознания: он не сломался. Просто стоял на краю и ждал, хватит ли у кого-то смелости подойти и сказать: «Прыгать не надо. Давай вернёмся».

– Тогда начнём сегодня, – я чувствую прилив сил и как внутри расправляется что-то тугое и тяжёлое. – С малого. С одного воспоминания. С любого. Даже если это будет просто запах. Или цвет. Или ощущение ветра на коже. Главное, чтобы оно было твоим.

Я кладу перед ним заранее припасённые блокнот и ручку – самые обычные пишущие принадлежности, которыми давно никто не пользуется. А зря.

Как любит повторять моя мама, рукописное письмо – это, конечно же, не единственный способ развивать мозг, зато оно даёт уникальный микс стимуляции, который при печати действительно теряется. В её понимании ручка и бумага заставляют разные отделы мозга активнее «общаться» между собой, и это укрепляет нейронные связи, чего, в конечном итоге, мы и добиваемся.

– Напиши первое, что приходит на ум, – предлагаю я едва ли не с восторгом. Горжусь собственной выдумкой в этот момент. – Хоть слово. Хоть букву. Пусть это будет нашей отправной точкой.

Он с недоумением смотрит на чистый лист. Потом медленно, осторожно берёт ручку. Прижимает её острым пишущим концом к бумаге и ведёт жирную вертикальную черту.

Снова задумывается, бросает на меня беглый взгляд и решительно добавляет рядом ещё одну линию. Затем закрывает от меня свой рисунок рукой и в несколько коротких штрихов завершает. Поворачивает блокнот ко мне. И я вижу схематичный набросок, чем-то напоминающий...

– Косу? Ты нарисовал косу?

Он смотрит на моё плечо, на котором лежат белокурые волосы, сплетённые в ту самую причёску, и меня осеняет.

– Ты нарисовал мои волосы!

– Это первое, что пришло на ум, – как бы извиняясь, говорит он.

А ситуация сложнее, чем мне казалось в самом начале

13

Следующие дни превращаются в методичную осаду потерянной памяти.

Я притаскиваю в палату компьютер, такой, что его экран занимает полстены. Вывожу голограммы: учебники по физике, тома классики, своды законов – всё, что он помнит, чтобы через знакомое пробиться к забытому.

Вечерами просматриваю лекции светил медицины, надеясь, что чья-то методика, опыт, отчаянный эксперимент окажется тем самым ключиком, который подойдёт к скважине его сознания.

Я заваливаю его всевозможными вопросами о разных отраслях знаний. Он кивает, отвечает, блестяще разбирает сложные концепции на простейшие составляющие, но когда речь заходит о чём-то личном: «А ты? Что ты чувствуешь по этому поводу? Что это значит лично для тебя?», он замолкает. В глазах появляется та самая пустота, которая пугает и вместе с тем завораживает.

– Я знаю, что это важно, – говорит он тихо, – но не помню, почему.

Однажды вечером, когда я уже собиралась уходить, в коридоре меня окликает профессор Скуратов, тот самый именитый нейрохирург, чьи статьи я запоем читала ещё в студенчестве.

– Ты всё через знание идёшь, Аврора, – говорит он, глядя на меня поверх очков. Должно быть, слухи о моих тщетных изысканиях достигли и его слуха. – А память, она не в логике живёт. Она в чувствах. В запахах, в холоде на коже, в том, как сердце вдруг подпрыгивает ни с того ни с сего. Попробуй не факты ему возвращать, а ощущения. Пусть одно чувство потянет за собой цепочку.

Я понимаю, куда клонит профессор, меня и саму неоднократно посещали подобные идеи, но...

– Это... рискованно, – прячусь я за наименее постыдным оправданием.

Пожилый нейрохирург согласно кивает.

– Да. Очень. Можно не вытащить воспоминания, а разбудить травму. Но если всё остальное не работает... иногда только это и остаётся. Плюс, конечно, ты можешь рассмотреть медикаментозный способ.

– Нет, Август Валерьянович, я этот путь даже в расчёт не беру, – невежливо перебиваю я и вся съёживаюсь в ожидании гневной отповеди. Однако её не следует.

– Да, слишком агрессивно. Ну, успехов тебе, Аврора, – он ободряюще сжимает моё плечо и скрывается за поворотом.

На следующее утро палата выглядит непривычно пустой. Компьютер мы убрали. Голограммы погасили.

Я расставляю на тумбочке три небольших предмета: маленький флакон, кусочек грубой ткани и тонкую металлическую пластинку.

Пациент заинтересовано следит за мной.

– Что это?

Перед пояснением глубоко вдыхаю, будто собираюсь нырнуть в ледяную воду.

– Мы попробуем другой путь. Не через голову. Через тело. – Протягиваю ему куцый отрез холста. – Потрогай. Скажи, что чувствуешь.

Он ведёт пальцами по шероховатой поверхности, хмурится.

– Грубо. Как мешковина. Или старая палатка...

Я, не в силах сдержать ликование, чуть подаюсь вперёд.

– Палатка?

– Не знаю, – он пожимает плечами. – Просто слово пришло.

Не даю надежде прорваться раньше времени. Спокойно беру флакон, свинчиваю крышку и подношу к его носу.

– Вдохни. Не спеши. Расскажи, что видишь, если видишь.

Он жадно втягивает ноздрями аромат. Замирает. Видно, как под тонкой тканью больничной пижамы проступают тугие мускулы. Особенно выразительны они на груди и предплечьях. На секунду его глаза словно теряют фокус, будто он смотрит не на меня, а куда-то очень далеко.

– Дождь, – бормочет он. – Мокрый асфальт. И... запах резины. Как у старых сапог.

У меня ощутимо дрожат пальцы. Да и сидеть в статичной позе становится невыносимо.

– Где? Где ты видишь этот дождь? – спрашиваю с маниакальной озабоченностью.

Он жмурится, пытаясь удержать образ, но тот рассыпается в мгновение ока – вижу по его недовольному выражению.

– Не знаю... просто картинка. Без места. Без времени.

Мне приходится стиснуть зубы, чтобы не взвыть от отчаяния. Этого катастрофически мало. Ничтожно!

Остаётся последняя вещь – металлическая пластинка. Холодная, гладкая, с едва заметной гравировкой. Вручаю её пациенту и прошу:

– Не пытайся ничего вспомнить. Просто чувствуй. Холод. Вес. Рельеф под пальцами.

Он осязает её подушечками, словно слепой, выискивающий в кромешном мраке знакомые очертания. И вдруг его дыхание сбивается. Веки резко распахиваются, но видит он вовсе не меня, а сосредоточенно вглядывается внутрь себя.

– Ветер, – шепчет на грани слышимости. – Очень сильный. Свистит в ушах. И... страх, но не вездливый, а щекочущий нервы, приятный, сладкий. На грани с эйфорией. Чьи-то пальцы крепко держат мою руку. Кто-то кричит: «Держись!»

– Кто кричит? Чей голос ты слышишь? Женский или мужской? – я с трудом удерживаю себя на расстоянии. Хочется сесть к нему на край кровати и взять за руку.

Он открывает рот, но вместо слов из горла вырывается хриплый звук, как будто его память ударилась о барьер и отскочила. Он резко разжимает пальцы, пластинка беззвучно падает на ноги.

Полицейский откидывается на подушку, тяжело дыша. Грудь у него ходуном ходит, плотно сцепленные кулаки двумя мощными аргументами лежат вдоль туловища.

– Слишком... – выдаёт он с рычанием, – слишком много сразу. Я не могу отделить одну картинку от другой. Они слипаются быстрее, чем я успеваю разглядеть хоть что-то. Это какой-то многослойный пазл, Аврора! Мне его нипочём не одолеть!

Я быстро прячу все предметы в ящик, сажусь рядом, не касаясь, но так, чтобы он чувствовал моё присутствие.

– Всё. Стоп. Мы остановимся здесь. Ты молодец. Ты дал нам зацепку. Ветер. Крик. Чья-то рука. Этого достаточно на сегодня.

14

Он медленно приходит в себя, поворачивает ко мне хмурое лицо и смотрит. И вдруг в его взгляде мелькает что-то новое. Не пустота. Не растерянность. А искра надежды что ли.

– Ты не отступишь, да? – нарочно или же нечаянно он кладёт руку в миллиметре от моей ноги и вытягивает указательный палец, как бы намекая на будущее касание.

Вряд ли мне удастся почувствовать его сквозь плотную ткань форменного комбинезона, но сама эта мысль смущает... и берedit воображение. Дополняет реальность картинками и фантазиями, от которых у меня перехватывает горло.

– Нет. Я не отступлю, – отвечаю с небольшим опозданием. – Но и не буду топить тебя в воспоминаниях. Обещаю. Мы будем идти по одному шагу. По одному ощущению. Пока ты сам не скажешь: «Я готов к большему».

Он едва заметно улыбается. Впервые не вежливой, дежурной улыбкой, а настоящей, пусть и слабой.

– Тогда... может, начнём с чего-то хорошего?

Он снова водит ручкой по бумаге, и я подмечаю, как при этом меняется лицо: из напряжённого, будто застывшего от постоянной попытки что-то вспомнить, оно становится спокойнее.

Складывается ощущение, что сам процесс – медленное выведение линий, усилие, сосредоточенность – возвращает ему ощущение себя. Не память, нет. Но право на действие. На маленький личный выбор.

– Знаешь, – делится он, не поднимая глаз от листа, – когда рисую, мне кажется, что я не совсем пустой. Что в пальцах остаётся что-то своё. Даже если голова молчит.

– В пальцах и правда остаётся, – подтверждаю я буднично и порываюсь пересесть обратно на стул, только он бдитительно вскидывает голову, и я застываю. Лепечу монотонно, как вызубренный материал на экзамене. – Это моторная память. Она живёт отдельно от слов. И часто она первая начинает говорить.

В его поразительно светлых и глубоких глазах мелькает что-то почти озорное. Совсем не то, к чему я привыкла за эти дни.

– Значит, если я буду всё время что-то делать руками – рисовать, лепить, прикасаться... Рано или поздно голова догонит?

– Рано или поздно догонит, – эхом вторю я. – Или они научатся разговаривать друг с другом заново.

Я не улавливаю движения, оно слишком стремительное. Вот он сидит, откинувшись на подушку, ноги согнуты в коленях, поверх них лежит блокнот. А в следующий миг мы уже лицом к лицу. И он держит в руке мою косу, да ещё поглаживает большим пальцем, словно желая прощупать, натуральная она или нет.

Я каменею всем телом. Задерживаю дыхание, чтобы ненароком не коснуться его грудью на вдохе. Перестаю моргать. Мне до безумия страшно и в то же время волнительно.

– Почему ты всегда заплетаешь волосы в косу?

– Так... учила мама. Она всегда говорила, что коса – это не причёска, а способ собраться. Когда всё вокруг летит кувырком, ты берёшь три пряди и начинаешь их переплетать. И в этом ритме – раз, два, три, раз, два, три – всё вдруг становится чуть понятнее. Я до сих пор так делаю. Когда день тяжёлый, когда не знаю, за что хвататься, я просто сажусь и заплетаю косу. И мир как будто чуть-чуть выравнивается.

Слова вырываются потоком под стать одурелому сердцебиению. Он так близко, неотрывно смотрит в глаза и продолжает гладить мои волосы.

Я должна это прекратить. Напомнить о личных границах. Дистанцироваться, как подобает врачу, но что-то удерживает меня от этого. Какое-то странно щекочущее нервы любопытство.

Мы продолжаем сидеть нос к носу. В оглушительной тишине.

И вдруг он тянет за крайний виток резинки и пальцем распрямляет пряди. Двигается вверх до самого плеча.

– У тебя очень красивые волосы, – оценивает он задумчиво и тыльной стороной ладони проходит по волнистым локонам. – Мягкие, шелковистые. Такой же кажется твоя кожа.

Когда он склоняется и принюхивается к моим волосам, мозг без предупреждения врубает всю подвластную ему охранную систему. Я хочу отшатнуться, залепить нагледцу пощёчину, возопить: «Что ты себе позволяешь?»

Только не выходит. Язык намертво пристывает к нёбу. Голосовые связки парализует. Тело отказывается подчиняться.

– И пахнешь ты очень... изысканно. Фруктами и сладостью.

Я молча глазею. Слышать комплименты из уст мужчины – для меня это чересчур ново. Понятия не имею, как следует реагировать. Выразить благодарность? Похвалить его наблюдательность или отделаться лёгкой улыбкой? А может, он ждёт что-то приятное в свой адрес?

Нет, ничего он не ждёт. Снова разделяет мои волосы на три равных пучка и принимается за плетение косы.

– Раз, два, три, – считает вполголоса и нахлёстывает пряди друг на друга. – Раз, два, три... Знаешь, твоя мама была не слишком права насчёт того, что всё становится понятнее. У меня наоборот происходит. Желания насакаивают непроизвольно.

– Желания? – тоненько пишу я из своего мысленного обморока.

– Да. Мне очень хочется тебя поцеловать.

Вот уж дудки!

Взвинчиваюсь на манер зажжённой петарды и на квантовой скорости лечу к дверям. Те даже разъехаться не успевают до конца, поэтому я бочком протискиваюсь в узкую щель и вспугнутой мышью выбегаю на улицу.

Поцеловать он меня хочет! Ишь, размечтался!

Приглашаю вас в дерзкую новинку от Арса Кроева "Общая. Выбор не предусмотрен"
https://litnet.com/shrt/EJ_s

15

Помимо безуспешных попыток воскрешения чужой памяти мне ещё приходится принимать участие в этом глупом обществе «анонимных одиночек». И если первое занятие в нём можно было назвать впечатляющим, ведь большинству из нас впервые в жизни удалось выговориться, то следующие встречи проходят с куда меньшим размахом откровенности.

Сначала мы разбираем самые глубокие зажимы – те, что по словам Лимары, сидели внутри годами, как осколки: «Мне нельзя быть слишком заметной», «Если я проявлю характер – меня перестанут любить», «Моё желание – это каприз».

Я чувствовала себя полнейшей идиоткой, когда озвучивала всю эту галиматью, но Лимара Психовна осталась довольна, а значит, и у контролёра из Службы демографической стабилизации не возникнет желания попенять мне на падение морального облика.

Дальше мы углубляемся в самоконтроль: знакомимся с техниками дыхания, чтобы снять телесный страх перед разговором; репетируем упражнения на формулирование своих границ; прогоняем с напарницей сценарии ролевых игры, где можно потренироваться говорить «да» с ощущением самоотдачи.

Потом переходим к цифровой стороне вопроса. Вместе учимся составлять профиль в «Спутнике навсегда», не как витрину с отретушированной версией себя, а как честный, но яркий рассказ о том, кто мы есть.

– Не надо обещать то, чего не сможете дать, – наставительно вещает Лимара. – Но и не прячьте то, чем по-настоящему гордитесь.

Мы тренируемся писать о своих увлечениях так, чтобы это звучало не как резюме, а как приглашение к разговору.

Одна из моих соучастниц в этой ахинеи, бывшая инженер-конструктор, вдруг понимает, что её любовь к старым мостам – это не скучная деталь, а целая вселенная, которую можно кому-то показать.

Другая, тихая библиотекарша, впервые признаётся, что обожает абсурдные комедии и может цитировать их целыми сценами.

Я же лишь скриплю зубами и недоумеваю: это во мне изъян, или окружающие массово сговорились почитать за норму подобный уклад вещей? С какой стати мне учиться подавать себя с грамотностью прожжённого маркетолога? Я от этого краше стану или ценнее на рынке невест?

И наконец настал этап столкновения лицом к лицу с неизбежным.

Клятое приложение для знакомств «Спутник навсегда» подобрал для меня идеального кандидата по имени Владилен.

Чуть за тридцать, спортивный, шатен, яркая улыбка, любит горы, планирует открыть свою школу скалолазания. Верит, что отношения – это партнёрство, а не распределение ролей.

Зануднее не придумаешь, однако виртуальный ассистент на все лады расхваливал этого субъекта, так что мне пришлось сдаться.

Помнится, я тогда ещё подумала, что его анкета напоминает собирательный образ девичьей мечты. И когда система предложила мне его в качестве потенциально совместимой пары, я не стала спорить. Решила: пусть будет эксперимент. Пусть это будет не про «надо влюбиться», а про «попробовать поддаться течению».

Я даже позволяю себе немного помечтать по дороге в ресторан. Представляю, как мы заговорим про горы, и он расскажет что-то такое, от чего у меня внутри всё подпрыгнет от восторга.

Я не могу похвастать регалиями в области альпинизма, мой потолок – это восхождение на простенькую вершину Шапка Мономаха на Байкале, а она всего около семисот метров в

высоту. Однако виртуальных восхождений на Эверест я совершила без счёта. Мне как-то попала древняя книжечка именитого советского альпиниста Анатолия Букреева о трагическом восхождении на вершину мира в дремучем 1996 году.

Архаизм какой, скажите вы. А меня восхитили описываемые в ней события.

Впрочем, мечтаниям я предавалась напрасно. Ровно к означенному часу в зал входит он. И весь этот хрупкий карточный домик из грёз рассыпается за три секунды, столкнувшись с реальностью, которая оказывается куда грубее любых фильтров.

Я резко одёргиваю воротник платья, того самого, в котором, по мнению Сомки, я выгляжу «свежо, но не отчаянно». И молюсь, чтобы это плюгаво-плешивое недоразумение шныряло глазками по сторонам не в поисках меня.

В зале ресторана шумно, но для меня сейчас каждый звук будто пробивается сквозь вату: слишком далёк настоящий Владилен от того спортивного шатена с яркой улыбкой, человека, в чьих постах сквозит бойкая жизненная позиция, амбициозные планы и лёгкость, с которой он хватает мир за рога.

Росточка он невысокого, заметно полнее, с тяжёлой походкой и лицом, будто созданным для брюзжания. Он впивается в меня цепким взглядом, хмыкает и направляется к столу, по дороге едва не сбив официанта.

– Ну, здравствуй, радость, – бурчит, усаживаясь и даже не думая извиниться за пятнадцатиминутное опоздание. – Долго ждала? Надеюсь, не извела себя переживаниями. Терпеть не могу нервных.

Дар речи сваливает в неизвестном направлении. Я беззвучно разеваю рот, потом всё-таки нахожу слова – вежливые, вышколенные на тренингах:

– Здравствуйте, Владилен. Рада встрече. Вы... немного не так выглядите, как на фото.

И это мягко говоря.

Он фыркает, щёлкает короткими мясистыми пальцами, подзывая официанта, и бросает, не глядя на меня:

– А, это. Ну, фильтры, знаешь ли. Да и зачем сразу всю правду вываливать? Пусть будет интрига.

Шок-контент, я бы сказала.

Официант-гуманоид скользит к нашему столу, и тут начинается самое неприятное: Владилен целых десять минут допрашивает бедолагу, сколько стоит каждое блюдо, морщится от цен и в итоге заказывает самое дешёвое, да ещё просит «чтобы порции были поменьше, я за фигурой слежу, а то некоторые вон... расслабились». При этом он почему-то скользит взглядом по мне.

Челюсть моя грохается об пол.

16

Я вовсе не толстая! Да, фигуристая, грудь и попа у меня отнюдь не плоские, да и щёчки слегка полноватые, но это же не означает, будто я нуждаюсь в диетах! Да и чья бы корова мычала, господин Хряк с залысинами!

Сжимаю под столом кулаки, и насилу заставляю себя улыбнуться. Если запись нашего свидания посмотрят в Службе демографической стабилизации, меня не в чем будет упрекнуть. Я старательно выполняю все их маразматические инструкции.

– Может, тогда закажем просто чай? Или десерт? Я не голодна.

– Чай? – он снова шлёпает гриботьями, и брызги слюны разлетаются во все стороны. Даже андроид морщится, а мне так и вовсе переселиться за экватор хочется. – В ресторане пить чай – это как прийти в музей и не смотреть картины. Но ладно, ладно... эконоь, если хочешь. Я не против. Главное, чтобы потом не было претензий, что я тебя не баловал.

А он всё-таки забавный, если вдуматься. Скупердяй и хам, но чуточку прикольный.

Когда официант отъезжает, Владилен откидывается на спинку стула, складывает руки на объёмном брюшке и таращится на меня сальными глазами, да ещё так, будто оценивает залежалый товар.

– Ладно, давай без прелюдий. Ты вроде нормальная, не истеричка. Значит, так: мне важна конкретика. Скажи сразу, ты как к близости относишься?

Ой, что-то я погорячилась с выводами.

– К близости? – переспрашиваю одурело.

– Я вроде чётко выражаюсь, да и с дикцией проблем не было никогда. Секс любишь, спрашиваю? Традиционно или тебе тоже всякие выкрутасы подавай? Я не ханжа, но из своей спальни цирк устраивать не стану.

Чувствую, как внутри всё леденеет. И с каждым мерзким словцом, вылетающим из жабьего рта, слой инея становится всё толще.

Медленно, размеренно выдыхаю, будто сбрасывая с себя наваждение.

– Простите, Владилен, мы только сели. Может, сначала поговорим о чём-то другом? О работе, о книгах, о музыке...

– О книгах? – он закатывает глаза. – Слушай, я не на литературный паноптикум пришёл. Время – деньги. И нервы тоже. Давай честно: сколько раз в неделю ты готова удовлетворять мои потребности? Я человек прямой, люблю ясность.

Приклеенная улыбка, напоказ, адресованная невидимым камерам наблюдения, сползает с моего лица на манер вязкой грязи. И с хлюпаньем падает под ноги, где растекается бурой лужицей.

– Знаете, я пришла на свидание, а не на собеседование по должности... куртизанки!

– Ой, брось эти высокопарные слова, – отмахивается он. – Жизнь простая штука. Всё крутится вокруг базовых потребностей. И если мы друг другу не подходим в главном, зачем тратить время на всякую ерунду?

Он наклоняется вперёд, понизив голос до заговорщицкого шёпота, от которого становится втрое не по себе:

– Вот что я тебе скажу, радость: давай сегодня попробуем виртуальный формат. Так сразу поймём, есть искра или нет. У меня отличная система, всё очень натурально. А если понравится, сможем продолжить у меня или у тебя – на твоё усмотрение. Удобно же!

Чувство гадливости бьёт все рекорды. Да мне проще перецеловать батальон ядовитых тарантулов, чем вообразить, каковы на деле прикосновения этого ничтожного субъекта.

Наверняка, у него отвратительно потные ладони. Такие, что будут оставлять липкий сладковатый след на моей коже.

И дыхание явно несвежее. *О, боги!*

Тут вдруг в голове становится удивительно спокойно, будто все тренировки, все проработки зажимов и составление профиля как по мановению волшебной палочки собрались в одну твёрдую точку.

– Нет, Владилен. Не сегодня. Вообще никогда.

Я поднимаю с коленей салфетку и швыряю её на стол.

Он выгибает бровь, словно не до конца понял, что услышал.

– Это ещё почему? Ты что, из этих... старомодных? Которые сначала три месяца чаи гоняют?

– Я из тех, кто хочет, чтобы с ней разговаривали как с человеком, а не как с набором примитивных функций.

Владилен крикает и принимается разглядывать зал, будто я уже перестала его интересоваться.

– Ну, знаешь, я думал, ты посовременнее. С пониманием. А ты вон какая... принципиальная. И рожу постную скривила.

– Да, – спокойно отбиваю подачу. – Такая. И цену себе знаю.

Хочется уколоть его побольнее, но мысль о скрытом наблюдении постоянно всплывает на периферии, поэтому я сдерживаюсь.

В этот момент возвращается официант с заказом: крошечная порция салата для Владилены и чашка мятного чая для меня.

Брюзга тут же начинает ворчать, что салат выглядит «как для воробья», и требовать, чтобы ему принесли ещё хлеб – бесплатно, потому что «сервис нынче нулевой».

Терпение моё лопается, как опасно натянутая тетива. Чудится, будто в воздухе даже звон стоит и характерные вибрации.

– Знаете что, Владилен? Я, пожалуй, пойду, – вскакиваю на ноги и раздражённо перекидываю косу на другое плечо. – Желаю вам найти ту, которая оценит вашу прямоту.

Он только машет рукой, не поднимая глаз:

– Иди, иди. Такие, как ты, вечно ищут какой-то романтики. А жизнь, она про практичность.

Я киваю, соглашаясь с чем угодно, подхватываю сумочку и гордо шлёпаю к выходу. У двери на секунду останавливаюсь, глубоко вдыхаю и улыбаюсь – уже по-настоящему, без усилия.

А потом совершаю ещё одну критическую ошибку – возвращаюсь обратно в клинику.

А вы заметили буктрейлер?! Лично мне он очень нравится ##

И зачем Авроре понадобилось возвращаться на работу, как думаете?

А Владилен душка, точнее ОТдушка) такому самое место в нужнике.

17

Утренние чаепития для нас с Сомкой – своего рода ритуал. Помогает настроиться на рабочий ритм, да и поболтать о дне минувшем.

Например, сегодня я принесла к чаю знаменитый бабушкин джем из алоэ с экстрактом спирулины. А Сомина торжественно водружает на стол целую тарелку печенья из сверчковой муки – м-м, моё любимое лакомство.

– Радик постарался, – хвастается она и специально разгоняет воздух над выпечкой, чтобы у меня слюнки потекли от ярчайшего запаха. – Не поверишь, в пять утра вскочил, чтобы до начала моей смены испечь печенье. Я прямо прослезилась от умиления.

– Он у тебя молодец.

– Да не, они оба, – она снова цепляет на лицо эту маску вселенской влюблённости, даже глаза выпячивает в форме сердечек, плюхается за стол и жадно нагребает ложкой бабушкин гостинец. – Такое иногда выдумывают, ты бы знала... Я с ними как в раю. Все мои желания предугадывают, любой каприз готовы исполнить. Нет, всё-таки хорошо, что многообразие узаконили. Ты только представь, каково было нашим бабкам – как встретила одного мужчину, так и кукуешь с ним до глубокой старости. Ни тебе разводов, ни права на смену партнёра. А близнецам и того хуже было! Казик мне рассказывал, что его прадед так и умер в одиночестве. Брату-то повезло, женился не то на кухарке, не то на доярке, а та с ходу наотрез отказалась от второго мужа. Не собираюсь, мол, развратничать, срамно это. И всё, так и помер второй братец бобылём.

Сейчас-то нравы другие. Никто больше не делает большие глаза при слове «тройничок», понимают, что зазорного в этом ничего нет, лишь бы всё по обоюдному согласию происходило.

Я давлюсь чаем и поспешно отключаюсь от этого дикого монолога. Не хватало мне ещё проникнуться симпатией к словам этой чересчур влюблённой дурёхи.

Тройничок её не смущает, как же. Да меня на днях чуть паралич не разбил, когда один неприкаянный полицейский изъявил хотение меня поцеловать, а тут такие бесстыжие страсти.

Утренний обход не сулит никаких неожиданностей.

Мы с Сомкой навешаем Зинаиду Фархадовну, страдающую от мигреней. На будничный вопрос: как дела, старушка раздражается целой тирадой:

– Да чтоб им всем там, наверху, так жилось, как мне сейчас! Опять эта проклятая штука в висках стучит, будто кто-то кувалдой по черепу бьёт! А на будущей неделе «Грозные провода» играют! Я этот концерт десять лет ждала, как манну небесную! Если пропущу, я себе этого не прощу, слышите, девоньки?!

– Слышу, Зинаида Фархадовна, – говорю участливо. – И я вас не подведу. Показатели хорошие: за трое суток боль упала на семьдесят процентов. Ещё пара дней в щадящем режиме, и вы будете не просто сидеть в первом ряду, а подпевать. Договорились?

Бабушка сияет беззубой улыбкой и предвкушает день выписки.

Мы с Сомкой перекидываемся смешливыми взглядами и идём дальше.

В следующем боксе у нас молодая женщина чуть за тридцать с психосоматической гипертензией на фоне хронического стресса.

Она сидит, уткнувшись в собственные колени, и теребит край пижамы, будто пытается выдрать из него смысл происходящего. Плечи ссутулены, лицо серое, словно из него выкачали все краски.

– Опять отказали, – бубнит она, не поднимая глаз. – Опять нашли кого-то «более подходящего». И знаешь, что самое поганое? – спрашивает, резко вскидывая голову. Обращается ко мне. – Я уже сама в это верю. Что я – пустое место в нашем офисе. Просто девочка на побегушках, которая умеет только кофе носить и улыбаться, когда на неё кричат.

Она резко проводит ладонью по лицу, стирая слёзы, но они всё равно проступают, упрямые и злые.

– У моих мужей карьера, премии, признание, – жалуется она, пока Сомка настраивает капельницы. – Один вообще в совет директоров выбился. А я... я как будто застряла в этой петле. Каждый день одно и то же. И я ненавижу себя за то, что не могу вырваться. За то, что я... просто функция. Беспольный аддон. Человеческий мусор.

– Не дело так о себе говорить, – возмущаюсь я вполголоса, чтобы ещё сильнее не нервировать и без того взвинченную пациентку. – Ты не аддон. Ты – целая система. Никогда не принижай себя! И другим этого не позволяй.

Мы ещё несколько минут проводим в её палате, а в коридоре приходим к общему выводу, что пора подключать психологов. Одними медикаментами ситуацию не исправить.

– И куда смотрят её мужья? Измордовали бедняжку в край! – запоздало возмущается моя подруга и спешит к андроидам, чтобы дать заявку на консультацию специалиста.

Так что к третьему постояльцу отделения терапии я вхожу одна и с порога натыкаюсь на недобрый мужской взгляд.

Деметрий сидит на постели, откинувшись на подушку и скрестив руки на груди. Оглядывает мою униформу, цепким глазом подмечает нашивку врача на комбинезоне и собирает губы в тонкую полоску.

– Мне нужен Руднев, – с ходу принимается бузить мужлан. – Он доктор толковый. А вы... ну, сами понимаете. В юбке тут только суету наводите.

Даже бровью не веду на это высказывание. Я в специальном медицинском комбинезоне, но посыл мне предельно понятен. Очередной женоненавистник по мою душу.

Спокойно пролистываю на своём планшете историю болезни и вежливо поясняю:

– Я не собираюсь вас лечить вместо доктора Руднева. Я просто смотрю показатели. Давление у вас сегодня выше нормы.

– Да много вы понимаете! – рявкает он ни с того ни с сего, обдавая меня тяжёлым, колющим взглядом. – Я пришёл к вам за квалифицированной медицинской помощью, а в итоге получаю девку-врача-недоучку! Вызовите мне главврача! Немедленно! И впредь не смейте являться...

Бедолага так отчаянно надрывает глотку, что всё лицо багровеет, а жилы на шее обнажаются, словно корни разросшегося дерева.

Чтобы не подвергать крикуна опасности, выбегаю в коридор и даю знак андроиду: здесь, мол, не лишним будет успокоительное. Ишь как разволновался, сердечный.

18

Последней на очереди палата безымянного полицейского, и в неё я захожу с гулко бьющимся сердцем. Потому что заранее не могу предвидеть, какой приём мне окажут внутри.

Вчера после неудачного свидания я вернулась в больницу. Да ещё надоумилась навестить своего пациента без прошлого. И всё закончилось очень и очень...

– Привет, – вежливо улыбается он и откладывает книгу в яркой обложке с изображением бюста хряка в зелёной наполеоновской треуголке. Джордж Оруэлл «Скотный двор».

Я сама принесла ему эту повесть в качестве упражнения для мозга.

Краешком сознания подмечаю, что он осилил больше половины, и старательно избегаю прямого контакта глаза в глаза.

– Здравствуй. Как твоё самочувствие? – переминаюсь у порога в надежде услышать банальное «всё отлично» и тут же выместись вон, только у брюнета другие планы.

– Я в недоумении, честно говоря, – он встаёт и походкой осторожного хищника, то есть пружинистой и бесшумной, приближается ко мне. – Вчера ты ворвалась ко мне, поцеловала, а сразу после сбежала, не удосужившись ничего объяснить, – он нависает монолитом, медленно кладёт руку на матовое стекло у меня над головой и пробует поймать взгляд.

А я жмурюсь, как пятилетняя девочка, кусаю губу и пытаюсь изгнать из памяти вчерашний вечер. Вернее, ту его часть, где я сидела на его постели и смаковала свой первый в жизни поцелуй. Спонтанный, необдуманный и такой сладкий, что у меня в животе до сих пор что-то подрагивает.

Ответить мне мешает шум голосов из коридора.

– Нам нужна Аврора Скай! Будьте так любезны сопроводить...

– Зачем это вам Аврора понадобилась? – грозно вопрошает Сомина.

– Протокол десять ноль семнадцать, – наперекор всем горланит мужской механический бас одного из наших андроидов. – Визитёры в палату 12Б.

– Да пропустите меня немедленно! – нервничает мужчина, чьи интонации отдалённо напоминают голос моего безымянного пациента.

Мы с ним переглядываемся, и тут двери бокса открываются. Внутрь вваливается целая делегация.

Во главе неё двое полицейских. Один небрежно размахивает наручниками, другой сверяется с голограммой из браслета, на которой отображено моё фото под лозунгом «Разыскивается».

Следом в палату протискивается взбудораженная Сомка. Прямо за ней катит андроид из нашей клиники и на все лады провозглашает, что к неопознанному больному пожаловали посетители.

Я даже пискнуть не успеваю, как один из блюстителей порядка хватает меня за руку и жёстким тоном выдаёт:

– Аврора Скай? Вы арестованы по подозрению в преднамеренном уклонении от отношений.

– Статья 114.7 Кодекса социального благополучия, – с глумливой улыбочкой встречает второй офицер, тщательно сверяя моё лицо со снимком на ориентировке. – Гласит, что умышленное невыполнение репродуктивно-социального обязательства при наличии подтверждённой физиологической и психологической готовности к установлению партнёрских связей преследуется по закону.

Где-то внутри у меня всё спрессовывается в огромный ком. Об этой статье мне не раз приходилось слышать. О ней бубнили в утренних пропагандистских роликах и её же использовали как дубинку для тех, кто пытался жить не по шаблону.

– Вы имеете право хранить молчание, – с каким-то изуверским наслаждением принимается талдычить правоохранитель, защёлкивая на моих запястьях магнитные наручники. – Всё, что вы скажете, будет проанализировано когнитивным модулем и использовано в материалах дела. Вы имеете право на один экстренный цифровой контакт – для уведомления ближайшего родственника или доверенного лица. Вы также имеете право запросить консультацию социального адвоката, однако ввиду характера обвинения доступ к нему может быть ограничен до проведения первичной оценки вашей мотивационной матрицы.

Он встаёт ко мне вплотную, и голографический браслет на его запястье вспыхивает, проецируя форму для подтверждения задержания.

– У вас есть три секунды, чтобы озвучить своё согласие с полученной информацией. Вам ясны ваши права, Аврора Ильинична?

– Это что ещё за новости?! Какое уклонение от отношений?! Вы что себе позволяете?! – столь не к месту взрывается Сомка и пробует оттеснить от меня полицейских. – Да я вас самих сейчас!..

– Визитёр в палату 12Б! Пожалуйста, освободите проход! Не толпитесь! – настаивает наш андроид.

– Подтверждаю, – как можно громче кричу я, силясь перекрыть этот гвалт. – И да, я буду молчать. Пускай ваш когнитивный модуль поломаёт голову над тишиной.

– Аврора, что происходит? – одурело вопрошает безымянный пациент.

Вот так сходила на свидание, называется!

Следующая глава будет платной, мои дорогие! Но не переживайте, специально для вас я на всю первую неделю с открытия подписки поставлю скидочку.

Так что если вам, как и мне, безразлична судьба Авроры, смело берите историю в свою коллекцию. Обещаю, дальше будет только интереснее. И конечно же, горячее!

19

Когда меня, словно отъявленную рецидивистку, выводят в коридор под белы ручки, да ещё закованную в наручники, весь персонал клиники сбегается полюбоваться этим представлением.

И в любой другой ситуации я бы смутилась, честно. Однако сейчас не до краснеющих щёк и стыдливости, потому что в толпе я замечаю его. *ЕГО*. Мужчину лет тридцати в блестящем чёрном бомбере и тёмных джоггерах, у которого лицо точь-в-точь как у моего безымянного пациента.

То, что это близнец нашего «найдёныша», я понимаю в течение секунды, а вот почему он смотрит на меня, словно голодный сторожевой пёс на кусок говяжьей вырезки – нет.

Дальнейшие события развиваются, как в дешёвой мелодраме.

Меня сажают в основательно потасканный гравилёт и конвоируют в участок, где тут же отдают на попечение дежурному полицейскому.

Им оказывается полный дядечка, который, кажется, живёт перекусами. Он неторопливо выбирается из-за стойки, непрерывно пережёвывает что-то маслянистое и ворчит себе под нос:

– Опять план по социально неблагополучным гонят... А мне бы спокойно до пенсии досидеть. Ещё лет десять, и я бы на дачу, огурцы выращивать. А теперь что? Погрязли же в бумажках да протоколах! Скоро самих себя не найдём в этой гряде макулатуры...

Он берёт планшет, стучит по экрану толстым пальцем, тяжело вздыхает так, что даже лампа над стойкой начинает подрагивать, и принимается оформлять меня с видом человека, которого заставляют делать чужую грязную работу.

– Паспорт-идентификатор... скан сетчатки... подтверждение статуса «дееспособна, репродуктивно пригодна»... – бубнит он, время от времени откусывая от очередной булки с кремом, потом запивая всё это густым тёмным напитком из термокружки. – Вот, опять эти новые формы... Раньше хоть понятно было: украл, подрался, нарушил комендантский час. А тут... «уклонение от отношений». Да у нас полгорода уклоняется, просто ни разу не попадались!

Я не выдерживаю:

– Может, тогда меня сразу в очередь на социальную гармонизацию поставите? Или у вас лимит стоит на число арестов?

Дежурный поднимает на меня усталые глаза, рассеянно моргает и жадно сглатывает всё пережёванное.

– Девочка, не ершишь, – одаривает сочувствующей улыбкой. – Я тебя не по злобе оформляю. Просто закон нынче такой: не в бровь, а в глаз, что называется.

После чего возвращается к своим батончикам и графам электронного протокола.

Процедура тянется бесконечно. Он то отвлекается на звонок от жены, то снова хватается за какие-то хрустящие палочки, которые, по его словам, «хоть вкус дают, а то от этой синтетики во рту как будто пыль». И всё это время не перестаёт жаловаться:

– Робот бы это за три секунды сделал. И без перекусов. Конечно, он ведь болванка расторопная, знай себе алгоритмам подчиняется, и ровно ему на все движения. А мне ещё отчёты писать... Эх, плакали мои денежки да досрочная пенсия по выслуге лет, клятые андройды отбирают у честных людей весь хлеб! И как прикажете с этим мириться?

Когда наконец все галочки проставлены, он указывает рукой в сторону коридора:

– Ну, иди. В первую камеру. И не шуми там. У меня голова и так раскалывается.

Камера представляет собой безликое помещение ровно метр на метр. Она будто специально рассчитана так, чтобы в ней нельзя было ни нормально сесть, ни вытянуться.

С меня снимают наручники, и дверь захлопывается с сухим, окончательным щелчком. Тишина накрывает сверху донизу, как тяжёлое одеяло.

Сначала я злюсь и негодую. Потом пытаюсь считать вдохи, как на тренингах по саморегуляции, чтобы вернуть ясность мысли. Следом прислушиваюсь к далёким голосам в надежде, что вот-вот кто-то вспомнит, что меня тут заперли.

Но время идёт, а никому и дела до меня нет. Ни еды, ни воды, ни хвалёного права на телефонный звонок – ничего. Даже голографический экран в углу молчит, будто отключённый за неуплату.

И вот тогда внутри разгорается настоящая паника. Не холодная, расчётливая тревога врача, который просчитывает варианты, а липкий, животный страх, когда кажется, что стены сдвигаются, а воздух становится гуще.

– Спокойно, – шепчу сама себе, прижимая ладони к вискам. – Это просто камера. Тебя в неё упекли бюрократы, которые любят демонстрацию силы. Подумаешь, какая-то там статья Кодекса социального благополучия. За подобное людей не расстреливают.

Однако чем дольше я нахожусь в этой вакуумной тишине, тем громче звучат в голове испуганные шепотки. Как будто сама система науськивает меня, напоминая, что я – не просто человек, а ячейка в большой социальной таблице, и моя «незаполненность» – это ошибка, которую надо исправить.

Сознание цепляется за слово «ошибка» и решает подкинуть мне картинку из вчерашнего вечера, в которой я на пике гневных эмоций выскакиваю из служебного лифта, резким ударом разблокирую двери в палату 12Б и...

Остальное прокручивается в мозгу в замедленной съёмке.

Если вам нравится эта история, не забудьте:

20

Мой потерянный пациент стоит у окна. Холодные неоновые огни ночной столицы подсвечивают его силуэт и бликами ложатся на аспидно-чёрные волосы.

У меня вдруг дух захватывает от этого зрелища. И ещё я замечаю то, от чего старательно абстрагировалась раньше: этот полицейский весьма крепко сложен. Плечистый, подтянутый, спортивный. Даже мешковатая больничная пижама не скрадывает рельефов его тела.

Он оборачивается на звук сработавших запорных механизмов. Прокатывается по мне лучистым взглядом и тянет губы в приветливой улыбке.

А я всё ещё пытаюсь позабыть похотливые глазки-бусинки Владилена и тот мерзкий шепоток, которым он предлагал мне сегодня же провести сеанс виртуального секса, чтобы определиться, есть между нами искра или нет.

Замираю в полушаге от пациента. Моргаю растерянно, запоздало спрашиваю себя, за каким чёртом ворвалась к нему едва ли не посреди ночи, и не лучше ли будет уйти.

– У тебя искорки дождя в волосах, – негромко подмечает мужчина без имени и опять приподнимает уголки губ в улыбке.

Искорки. Искры. Предвестники пожара

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.